

РАЗСКАЗЫ О СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРИСКАХЪ:

Омск. Зап. 1847. № 7.
Статья четвертая.

Городъ Томскъ. — Мѣха. — Чап. — Палы. — Ачинскъ. — Минусинскъ. — Каратузъ. — Инородцы. — Народы татарскіе. — Преданіе о Якутахъ. — Самовды. — Остяки. — Калмыки и ихъ бытъ. — Дзюнгорскіе дворянцы. — Монголы. — Буряты и ихъ бытъ. — Тунгусы. — Князь Гантимуръ. — Бытъ бродячихъ Тунгусовъ. — Алтайскіе каменщики. — Шамапъ. — Покореніе инородцевъ, ихъ раздѣленіе и права. — Распространеніе христіанства. — Чудскіе города. — Развалины. — Надписи. — Копи. — Курганы. — Пещеры. — Минеральныя воды.

Городъ Томскъ, основанный, какъ уже замѣчено, въ 1604 году, во времена Петра-Великаго, вмѣщалъ въ себѣ около двухъ съ половиною тысячъ жителей (1); въ 1840 году въ немъ считалось до 12,000 жителей (2); нынѣ же, особенно въ зимнее время, когда въ Томскѣ сѣзжаются золотопромышленники, ихъ управляющіе и прикащики и возвращаются ходившіе на приски въ работу здѣшніе мѣщане, — общее число жителей города Томска, не исключая городовыхъ казаковъ и войсковыхъ чиновъ, можно положить до 20,000 душъ. Въ Томскѣ есть гимназія съ пансіономъ, три уѣзныя и два приходскія училища. Въ нихъ воспитывается круглымъ числомъ въ годъ до 350 учениковъ (3). Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобъ просвѣщеніе тихо подвигалось впередъ: это доказываетъ только родительскую слабость, неохоту разстать-

ся съ дѣтищемъ, котораго съ малыхъ лѣтъ приучаютъ быть практически-полезнымъ отцу на поприщѣ его промысленныхъ занятій. Но вообще говоря, грамотность въ Сибири сильна; даже въ деревняхъ, въ крестьянскомъ сословіи, первая забота отцовъ о томъ, чтобъ ихъ дѣти, особенно мальчики, непременно знали грамоту и цифирь, необходимую привсѣхъ расчетахъ; въ этомъ отношеніи, Сибиряковъ можно раздѣлить на умѣющихъ читать и писать, на умѣющихъ разбирать только церковную печать и на знающихъ одиѣ цифры и незнающихъ грамоты.

Во всей Сибири городъ Томскъ славится своимъ дѣтскимъ пріютомъ, устроеннымъ здѣсь на капиталъ, пожертвованный д. с. с. Ал. Ст. Завилейскою и содержимымъ щедрыми и весьма-значительными приношеніями попечительницы пріюта, кол. сов. Ал. Пав. Асташевой. Пріютъ этотъ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ свѣтлейшей смотрительницы Кат. Ив. Рекевѣ и наблюденіемъ попечительницы, поставленъ на такую степень совершенства, управляется съ такою любовію и заботами объ укорененіи въ сердцахъ юныхъ питомцевъ правилъ строгой нравственности и пріобрѣлъ такое довѣріе отцовъ и матерей семейства, что родители съ весьма-достаточнымъ, даже богатымъ состояніемъ изъ Барнаула, Омска и другихъ городовъ, добиваются изъ всѣхъ силъ чести помѣстить туда дѣтей своихъ.

Томскъ имѣетъ свой банкъ, подъ названіемъ Общественнаго Сибирскаго Банка, и ссужаетъ своими капиталами преимущественно золотопромышленниковъ, которые, не смотря на разлившееся всюду богатство, очень-часто нуждаются въ деньгахъ... Это съ перваго раза должно показаться страннымъ, особенно, когда со всѣхъ сторонъ поминутно слышишь и даже самъ видишь, что въ Сибири деньги ни почемъ, и капиталъ въ десять тысячъ рублей серебромъ не считается деньгами. Деньги дѣйствительно ни почемъ въ Сибири — въ слѣдствіе всеобщаго на-

(1) П. С. З. Р. И. № 3380.

Просвѣщенія 1843, № 2.

(2) Журналъ Министерства Народнаго

(3) Отчеты г. министра народнаго просвѣщенія за 1843, 1844 и 1845 года.

правления золотопромышленниковъ представить на своемъ и во что бы ни стало приобрести все необходимое для разработки приисковъ, приносящихъ двѣсти-триста процентовъ. Но деньги не всегда могутъ быть въ наличности, особенно если взять во вниманіе незапасливость, неразсчетливость и надежду на авось. Золотопромышленникъ сдаетъ свое золото въ концѣ золотопромышленнаго года, начинающагося съ перваго числа октября, и сдаетъ его въ Барнаулъ; естественное дѣло, что онъ не можетъ въ ту же минуту получить за него деньги, выдающіяся изъ Санктпетербургскаго Монетнаго Двора: онъ долженъ необходимо ждать, пока это золото придетъ въ Петербургъ и пока тамъ произведутъ ему контр-пробу для того, чтобъ сдѣлать правильную повѣрку—сколько въ принадлежащемъ промышленнику золотѣ заключается чистаго золота, сколько серебра и сколько другихъ примѣсей и за тѣмъ произвести точный расчетъ, какая ему слѣдуетъ въ выдачу сумма денегъ, за вычетомъ податей и другихъ расходовъ. Эта операція продолжается нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ, считая тутъ и дорогу и вспомнивъ, что контр-пробѣ въ Петербургѣ должны подвергнуться нѣсколько сотъ слитковъ, въ которые обращено разсыпное золото еще въ Барнаулѣ. А между-тѣмъ, съ первыхъ чиселъ сентября золотопромышленнику крайне нужны деньги: онъ долженъ сдѣлать 10-го сентября окончательный расчетъ своимъ рабочимъ за ихъ труды, чтобъ ни одному изъ нихъ не остаться должнымъ ни копейки иначе никто не пойдетъ къ нему въ работу, или, можетъ случиться, обнаружится даже общее неудовольствіе и бунтъ. Послѣ 10-го сентября золотопромышленникъ долженъ раздать задатки тѣмъ, кого онъ найметъ въ работы на будущее лѣто: пропустишь удобное время — останешься безъ рабочихъ. Въ это же время должно закупить провіантъ и фуражъ для будущихъ операций, раздать часть суммъ и употребить ихъ

на прочія закупки. Въ этихъ предвѣдительныхъ занятіяхъ проходить вся осень, и зимою все должно быть доставлено на прииски. Тутъ деньгами нуждается каждый: и беззаботный мѣстный золотопромышленникъ, и управляющій какой-нибудь компаніи, котораго петербургскіе довѣрители не снабдили своевременно денежными средствами. Каждый готовъ дать какіе-угодно проценты, чтобъ только совершенно обезпечить себя въ своихъ операціяхъ. Поэтому всѣ и хлопочутъ заблаговременно заложить квитанцію на сплавленное въ Барнаулѣ золото въ Общественномъ Сибирскомъ Банкѣ, чтобъ избѣжать потери времени при пересылкѣ его для залога въ Коммерческомъ Банкѣ въ Санктпетербургѣ, впредь до полной уплаты суммъ за золото изъ Монетнаго-Двора. Кому деньги слишкомъ къ-спѣху — тотъ по неволѣ долженъ обратиться къ ростовщикамъ, которые удаятъ подобныхъ рыбокъ и прославляютъ свое занятіе, а оно, какъ извѣстно, прибылнѣе всякихъ золотыхъ росышей: ни гильдейскихъ повинностей, ни другихъ податей, ни риску — ничего тутъ не нужно; одни только чистые барыши.

Томскъ состоитъ изъ трехъ частей: Татарской-Слободы при въѣздѣ въ городъ: это предмѣстіе Томска; высшій классъ населенія живетъ на той сторонѣ рѣчки Ушайки, на которой господствуетъ возвышенность, носящая названіе Юрточной-Горы. Здѣсь, въ недавнія еще времена, была густая роща, которой слѣды видны позывѣ около мужскаго монастыря съ одного края и противъ званія присутственныхъ мѣстъ съ другаго. На Юрточной-Горѣ поселился цвѣтъ всего Томска. Квартиры здѣсь очень-дороги и за одну комнату съ приличными перегородками и со службами берутъ по 15 р. с. въ мѣсяцъ. Прочіе жители и торгующее сословіе живутъ на противоположномъ берегу Ушайки, осѣвляемомъ высокою Воскресенскою-Горою на въѣздѣ въ Красноярскъ. Въ этой части города помѣщаются два гостиные двора, ка-

менный и деревянный, уцѣлѣвшіе отъ пожара, и нѣсколько площадей. На главной же площади былъ устроенъ олимпійскій циркъ, котораго наѣздники и наѣздницы, въ дни представлений, развѣзали по городу въ костюмахъ дикихъ Индійцевъ, при звукахъ двухъ пронзительно-вывшихъ трубъ.

Въ этомъ городѣ сильное вниманіе заѣзжаго человѣка обращаютъ на себя грубые нищіе; цѣлое утро они ходятъ по городу, громко стуча въ окна нижнихъ этажей и съ крупной бравью отходя отъ домовъ, обыватели которыхъ глухи къ прошеніямъ этихъ тунѣйцевъ, сильныхъ и здоровыхъ, но пренебрегающихъ трудами и работой.— Въ Томскѣ много Татаръ и Башкировъ; они разносятъ по домамъ для продажи низкіе сорта чаевъ, дурные халаты, равные ковры, моржаны или корольки, ожерелья изъ китайскаго мрамора, и продаютъ все эти рѣдкости въ десять разъ дешевле запрошенной сначала цѣны.— Татарки занимаются исправленіемъ нѣкоторыхъ медицинскихъ операцій и славятся искусствомъ приставлять пивки.— Здѣшнія торговки, исправляющія должность вѣстовницъ, свяхъ и комиссіонершъ по разнороднымъ порученіямъ, промышленяютъ преимущественно промѣномъ чепчиковъ на бѣлчи мѣха и цвѣточнаго чая на башмаки и другія мелочи, и продажею китайскихъ матерій фанзы, чучунчи и канфы. Фанза и чучунча идутъ иногда на бѣлье охотникамъ до шелковаго бѣлья, что сравнительно стоитъ гораздо-дороже голландскаго полотна, которое тамъ въ рѣдкость; канфа же, или китайскій атласъ, изъ куска котораго выходятъ два салона, далеко уступаетъ въ превосходствѣ хорошему атласу нашихъ фабрикъ и скоро сѣчется.— Томскія мѣщанки-дѣвушки имѣютъ обыкновеніе, идя въ храмъ Божій, распускать волосы по плечамъ, не заплетая ихъ въ косы, и покрывать голову маленькимъ платочкомъ; по вечерамъ въ хорошую погоду онѣ собираются группами у воротъ вриятельскихъ домовъ и безъ умолку *речутъ*,

или, по-нашему, распѣваютъ разныя пѣсни.— Евреевъ въ Томскѣ довольно; но почти все они заняты постоянными трудами и занимаются ремеслами, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ работа *дрогъ*— общепотребительнаго по всей Сибири экипажа, въ родѣ нашихъ старинныхъ линеекъ, донинѣ употребляемыхъ въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ. У него ходъ тарангаса, то-есть, двѣ оси, передняя и задняя, соединенныя между собой пятью долгими *палчинами*, или длинными и толстыми березовыми шестами; на эту связь прикрѣпляется дрожечный кузовъ, продолженный до безконечности, отъ задней оси до передней, аршина на четыре. На этихъ дрогахъ можетъ спокойно умѣститься до двѣнадцати человѣкъ сѣдоковъ.—Здѣшніе обязательные торговцы, по полученіи новыхъ транспортвъ съ врибтской ярмарки, дарятъ своихъ постоянныхъ и значительныхъ покупателей дорогими въ Томскѣ гостинцами— морожеными яблоками и лимонами, сморщенными и гнилыми грушами, затвердѣлыми московскими сайками и сухарями, а иногда, какъ самую драгоценную рѣдкость—кислыми апельсинами.—Въ Томскѣ замѣчательны также, въ аристократической части города, лучшая изъ гостиницъ, содержима старымъ петербургскимъ знакомцемъ, Албиносомъ, и иностранная *мандзель* французскихъ винъ изъ Казани, жевевскихъ часовъ изъ Петербурга, парижскихъ бронзъ изъ Москвы, англійскихъ пальто изъ Риги, бразильскихъ брильянтовъ изъ Варшавы и разныхъ нѣмецкихъ хитростей— г. Фохта.

Зданія, замѣчательныя въ Томскѣ по своей красотѣ, на Юрточной-Горѣ, новый соборъ, еще не конченный вчернѣ, огромный домъ присутственныхъ мѣстъ, дома съ садами и оранжереями гг. Астахова и Горохова, обладающаго богатою коллекціею китайскихъ рѣдкостей; на противоположной сторонѣ рѣки Ушайки домъ градскаго общества и нѣсколько до-

мовъ наследниковъ купца Неупокова. Эта часть много пострадала отъ пожара, бывшаго въ Томскѣ въ 1845 году, 17-го іюня, и истребившаго семь кварталовъ по направленію рѣки Томи; по въ томъ же году она начала вновь обстроиваться, когда погорѣлые жители были обрадованы августѣйшею помощію Государя. Посланный отъ Его Величества съ капиталами курьеръ въ двѣ недѣли, если еще не менѣе, явился изъ Петербурга въ Томскъ, проскакавъ четыре тысячи съ половиною верстъ.—На Воскресенской-Горѣ замѣчательны по своей архитектурѣ православная церковь, католическій костѣлъ, въ которомъ священниками въ прежніе годы были іезуиты, и домъ конторы золотопромышленника каммергера и командора Бекетова, обладавшаго въ томскомъ округѣ весьма-большимъ числомъ присковъ, приобрѣтшихъ извѣстность наружнымъ богатствомъ и изяществомъ амбаровъ и жилыхъ домовъ.

Находясь, такъ-сказать, въ сердцѣ Сибири подумаешь, что тутъ очень-легко запастись мѣхами для себя или для знакомыхъ. Однакожь, нѣтъ: въ Томскѣ мѣховъ не достанешь; есть мѣха въ Сибири, но вовсе не такіе, какихъ бы желалось. *Ярки*, нѣчто въ родѣ халата, выдѣлываемые изъ коневой шкуры, привозятся сюда изъ Казани и носятя одними лакеями, и то когда нѣтъ морозовъ. *Дахи*, или шубы изъ выдѣланной шкуры дикой козы, лося или *сохатаго*, какъ ихъ здѣсь называютъ, шерстью вверхъ и безъ подкладки, очень-теплы въ самые сильныя морозы; но ихъ носить только простой народъ, извозчики, и притомъ, съ ними должно обращаться очень-бережно: снимать на холодѣ и прятать подалеже отъ сырости и тепла, а не то шерсть выльзетъ, и шуба пропадетъ. Бѣличьи мѣха идутъ подъ мужскіе халаты и подъ шубы небогатыхъ людей; мѣхомъ бурундука облициваютъ женскія кацавейки, которые въ Сибири не выходятъ изъ моды; но

въ этомъ мѣхѣ тепла никакого нѣтъ. Овчинъ, зайчихихъ и волчихихъ мѣховъ, и безъ Сибири вездѣ много; медвѣжьихъ шубы не красивы, да ихъ мало и видно. Въ тайгѣ медвѣдь часто попадаетъ, но его на прискахъ не бьютъ: во время похода по лѣсу, дай-Богъ, чтобъ незваный гость самъ не тронулъ, а то гдѣ съ нимъ справиться! Часто ружья нѣтъ у путника, а иногда и есть оно, да черезъ пять человѣкъ у шестаго, и то или вовсе не заряжено, или заряжено дробью, или пистона не надѣто, а еще чаще—храбреца на медвѣдя не найдется сразиться съ нимъ на узенькой таѣжной дорогѣ, гдѣ двоимъ рядомъ не проѣхать. Во время присковъ — прискателямъ не до медвѣдя. Случается, что онъ и на прискѣ пожалуетъ, и хозяйскую лошада или рогатую скотину *испортитъ* въ то время, когда они паусутя не въ дальнемъ отъ приска разстояніи, а все-таки хозяинъ приска не рѣшится отправить людей для наказанія нарушителя общественнаго спокойствія, потому что всякій золотопромышленникъ дорожитъ каждымъ рабочимъ не въ-отношеніи какой-нибудь филантропической идеи, а въ томъ разчетѣ, что рабочіе и на охотѣ, и на работѣ дѣлятъ одинаково-сытно, а въ продолженіе того времени, пока они съищутъ медвѣдя и, Богъ-вѣсть, убьютъ ли еще его, — они наработаются вдоволь и добудутъ столько золота, чего и не стоить медвѣдь со всеми его предками и потомками. Мало теперь Сибиряковъ, которые встарину, съ одной рогативой, одни, безъ помощниковъ, вступали съ медвѣдемъ въ рукопашную: это ужъ не прежній народъ, не храбрые удалцы, а люди положительные, ищущіе чего-нибудь существеннаго! Теперь почти одни инородцы ловятъ пушныхъ звѣрей, преимущественно соболя, бѣлку и лисицу. Но и соболю, и бѣлке, и лисице далеко удалились отъ жилищъ чело-вѣческихъ; лѣсные пожары и шумъ отъ работъ на золотыхъ прискахъ и доисковыя партіи золотопромышле-

пиковъ годъ-отъ-году прогоняютъ звѣря дальше и дальше. Однакожь, пушные звѣри ловятся и теперь ясачными; но этихъ промышленниковъ стерегутъ купцы, которые, съ врожденною Сибирякамъ тонкостью, мастерски обдѣлываютъ эти дѣла, скрупаютъ мѣха въ однѣ руки и отправляютъ ихъ въ *Рассею*. Порядочнаго мѣха въ Сибири и не купишь, а если и прійдется по случаю достать то очень-дорого, и несравненно дороже той цѣны, по которой мѣха продаются въ Москвѣ или Петербургѣ; притомъ же, въ Сибири не умѣютъ порядочно ихъ выдѣлывать, исключая однихъ шкуръ сохатаго. Зажиточные люди, ходятъ въ ентовыхъ шубахъ, отъ насъ же къ нимъ высылаемыхъ.

Хорошаго чая тоже нѣтъ въ Сибири, преимущественно въ Томскѣ и Красноярскѣ. Высшіе сорта чаевъ только провозятъ по Сибири изъ Кяхты въ Нижній-Новгородъ, и большинству, какъ говорится, не удастся понюхать ханскихъ сортовъ. Охотники выписываютъ чай для своихъ семействъ изъ Иркутска или изъ Кяхты. Въ Томскѣ только одинъ оптовой торговецъ; но онъ не торгуетъ въ разницу, и потому Шелунги, или какого-нибудь особеннаго въ этомъ же родѣ — здѣсь достать невозможно. Чай, здѣсь продаваемый въ ящикахъ китайской укладки, посредственнаго достоинства, носить фамилію Ши-мы-чеп-дзи и стѣить отъ десяти до двѣнадцати рублей серебромъ за ящикъ въ 2½ фунта вѣса; двойные ящики стѣютъ двадцать-пять или тридцать рублей серебромъ, глядя по покупателю: съ богатаго подороже. Тотъ чай, который чайные караванные прикащики продаютъ подъ названіемъ совѣчнаго и цвѣточнаго, выгоднѣе покупать у нихъ-самихъ или у торговцевъ, чѣмъ у купцовъ, которые обыкновенно берутъ рубля два барыша на фунтъ; но этого сорта чай очень-невысокаго достоинства, очень-просто, что называется — людской, и если называется цвѣточнымъ, то, вѣроятно, потому только, что продается

завернутымъ въ цвѣтной, темнорозовой бумагѣ, не иначе.

Есть еще одинъ родъ чая, который въ Петербургѣ неизвѣстенъ: это кирпичный, преимущественно употребляемый монгольскими племенами; его пьютъ и русскіе крестьяне, но исключительно на золотыхъ прискахъ. Чай этотъ варятъ въ котлахъ, на водѣ, рѣдко на молокѣ, и прибавляютъ къ нему соли и коровьяго масла. Онъ чрезвычайно-питателенъ. Съ примѣсью поджаренной муки, чай этотъ называется *затураномъ*. Кирпичнымъ онъ названъ потому, что является въ торговлѣ въ плотномъ видѣ, полуфунтовыми массамаи, въ плиткахъ, и готовится изъ грубыхъ листьевъ чайнаго дерева.

Разсыпной чай началъ входить во всеобщее употребленіе со временъ Петра-Великаго, а до того времени онъ продавался въ аптекахъ какъ лекарство, противодѣйствующее вліянію заразительнаго воздуха и вина. Кирпичный чай былъ издавна извѣстенъ пограничнымъ казакамъ въ Сибири. Въ 1638 году русское посольство, бывшее у Алтын-Хана на южномъ рубежѣ Западной-Сибири, устыдилось припятъ поднесенные ему въ подарокъ двѣсти башей чаю, потому-что чай этотъ казался слишкомъ-ничтожнымъ и неуважительнымъ. Изъ такого отъѣва заключаютъ, что тогда были уже извѣстны чаи высшихъ сортовъ. Въ 1654 году, боярскій сынъ Байковъ, отправленный во времена царя Алексея Михайловича въ Китай, въ дневникѣ своемъ упоминаетъ объ угощеніи его тамъ чаемъ, какъ о вещи весьма-обыкновенной. Въ 1674 году, чай въ московскихъ аптекахъ продавался по 30 копеекъ за фунтъ (4).

Про совѣчный чай караванные прикащики рассказываютъ, что онъ берется изъ цѣльныхъ цибиковъ, отъ каждой изъ шести сторонъ, — на совкѣ, для пробы, и пробы эти составля-

(4) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1843 года, № 7-й.

ютъ собственность прикащика. Не знаю, правда ли это, а только караванные прикащики, вѣроятно съ большаго барыша, отчаянно кутятъ по дорогѣ. Останавливаясь по деревьямъ, они нарѣзываются простой сивухой, а по городамъ пользуются полною свободой холостого дикаря, ухарски развѣзжаютъ съ ювими Сибирячками цѣлый день на извозчикахъ, которые тамъ очень дороги, и, въ заключеніе, напиваются до-нельзя шампанскимъ. Особенная, страшная попойка, когда Томъ и Обь совершенно очистятся отъ льда. Здѣсь чай, пришедшій изъ Кяхты сухимъ путемъ, нагружается въ особо-устроенныя суда и идетъ водой до Тюмени, перваго отъ Петербурга города Тобольской-Губерніи, а оттуда его везутъ далѣе въ Россію. — Во время нагрузки и приготовленій къ отъѣзду, въ-продолженіе цѣлой недѣли по берегу Томи собирается все городское населеніе; нѣсколько хоровъ, или вѣрнѣе—артелей пѣсенниковъ, изъ числа судорабочихъ, распѣваетъ въ разныхъ мѣстахъ русскія пѣсни (сибирскихъ пѣсень нѣтъ) при выстрѣлахъ изъ ружей или фальконета, которымъ каждое судно вооружено. Бахусъ, Амуръ, а съ ними и Меркурій, въ своемъ двойственномъ значеніи покровителя торговли и воровства — вотъ три божества, которымъ въ эти дни толпы народа приносятъ постоянныя жертвы. Все дышетъ и сіяетъ весельемъ, хотя не весьма-чистымъ; пѣсни, крикъ и гамъ разбушевавшихся гулякъ слышатся далеко за полночь.

Выѣхавъ изъ Томска, я отправился на минусинскій пріискъ по системѣ рѣки Амыла, на который мнѣ надлежало посмотреть.

Я ѣхалъ всю дорогу во время *палевъ*, или огня, который жители пускаютъ по степямъ и лѣсамъ, выжигая такимъ-образомъ старую траву и способствуя лучшему росту новой. Правда тутъ не обходится иногда безъ лѣсныхъ пожаровъ, да на это не слишкомъ смотрятъ; въ Сибири, особенно въ Восточной, въ любомъ округѣ мож-

но встрѣтить огромныя пространства выжженного лѣса: полувѣковыя и вѣковыя запрещенія на счетъ сохраненія лѣсовъ давно вышли изъ памяти (5), и палы до-сихъ-поръ не выходятъ изъ употребленія.

Проѣзжая ночью по горнымъ скатамъ или спускаясь въ пространную долину, не налюбуешься этою естественною иллюминаціею. Струйки огня, какъ свѣтищіеся змѣи, пробираются между травой разнообразными зигзагами. Съ одного конца яркой линии свѣта, огонь, не находя для себя пищи, мгновенно потухаетъ; съ другога конца онъ быстро перебѣгаетъ направление только-что взятое, кидается въ сторону и жадно бѣжитъ впередъ, пожирая новую пищу. Огонь является въ тысячѣ мѣстахъ, чертитъ безтолковыя вензели, выбираетъ себѣ мѣстечко, гдѣ бы можно было ему перебѣжать дорогу, часто раздѣляющую на нѣсколько вѣтвей, которыя сходятся послѣ въ одинъ путь и, разыгравшись въ сухой травѣ, не щадитъ ничего, все истребляетъ. Но это только ночью. Днемъ ѣхать такими мѣстами очень-непріятно. Запахъ гари довольно отвратителенъ; воздухъ дѣлается спертымъ; синее небо скрывается за тучами дыма; яркое солнышко выглядываетъ какимъ-то рыжимъ пятномъ; мѣстоположенія не красивы и исчерчены черными кругами отъ выгорѣлыхъ травъ.

Проѣхавъ пограничныя столбы Томской Губерніи, я вступилъ въ первый городъ Енисейской-Губерніи, Ачинскъ, и очутился на территоріи Восточной-Сибири. Разницы съ Западной-Сибирью мало: все, кажется, одинаково, что тамъ, что здѣсь — одніи воробы, но одинаковы. Въ Западной-Сибири воробы, какъ воробы, такія же, какъ и вездѣ, а въ Восточной-Сибири онѣ рѣшительно черныя, самаго густаго чернаго цвѣта и до мертвечины и тому-подобныхъ лакомствъ такъ падки, что

почти подъ каждымъ городомъ, и довольно часто, можно встрѣтить ихъ цѣлыми арміями и быть свидѣтелемъ жестокой войны между воробами и галками. Предметомъ битвы бываетъ разная падала, которую жители стащутъ, или свезутъ съ улицы, да и бросятъ на поле, тутъ же, близехонько, но все-таки за городомъ,—хоть въ пятидесяти саженахъ, да за городомъ. И это дѣлается въ полномъ сознаниі исполненія полицейскихъ распоряженій! Въ ямы не зарываютъ — хлопотъ много; да и къ-чему лишать цѣлое солловіе хищныхъ пернатыхъ куска хлѣба: Поэтому нисколько и не удивительно встрѣтить тутъ бездну череповъ бѣдныхъ Йориковъ конской или свинной породы и вспомнить арію изъ Руслана и Людмилы: «о поле, поле! кто тебя усыялъ мертвыми костями?..»

Ачинскъ старый городъ; онъ уже лѣтъ двѣсти стоитъ на Чулымѣ, образующемъ здѣсь хорошую пристань. Основаніе его относятъ къ 1641 году, когда здѣсь выстроены были еще только острогъ. Разоренный Киргизами, онъ возобновленъ былъ въ 1682 году. Мѣстоположеніе его довольно-пріятно. Городъ этотъ, однакожь, не процвѣтаетъ, хотя и имѣетъ къ тому всѣ средства, изъ которыхъ главное — водяное сообщеніе съ Волгою, прерываемое только верстъ на шестьдесятъ вдокомъ между рѣками Турдою и Чусовдою. Ачинскіе мѣщане прежде занимались исключительно хлѣбопашествомъ, но золотопромышленность переманила къ себѣ всѣ руки — и Ачинцы пошли на прииски, гдѣ они успѣли избаловаться и усвоить себѣ кой-какія дурныя наклонности, каковы усиленное пьянство, картежничество, непокорность, строптивость и кража золота, за что, однакожь, они рѣдко попадаютъ въ руки правосудія, частію отъ безпечнаго надзора своихъ начальниковъ, частію отъ дѣлежа барышами съ прочею братією и отъ искусства совершенно скрывать слѣды преступленія; на частныхъ же золотыхъ приискахъ постоянного осмотра рабо-

чихъ не бываетъ, да никто, еслибъ и захотѣлъ, не рѣшится на это, потому что рабочіе поднимутъ тревогу и если теперь же самовольно не разойдутся, то на будущее время никто не найметъся къ этому хозяину.

До-сихъ-поръ отъ самой Казани я ѣхалъ все на востокъ; здѣсь, въ Ачинскѣ, надлежало своротить на югъ и пробираться черезъ Минусинскъ въ Каратузъ.

Минусинскъ — окружный, или, по-нашему, уѣздный городъ Енисейской-Губерніи, городъ новый, только съ 1822 года возвышенный на эту степень изъ деревни Большой-Минюсы. Не будь здѣсь золотыхъ приисковъ — въкъ бы ему быть деревней. Но вотъ что значать обстоятельства: завелось въ округѣ свое золото — сюда наѣхала цивилизація со всѣми своими принадлежностями, хорошими и худыми; явились потребители высшаго полета — и сюда стали ящиками возить шампанское, подраздѣляя его на три разряда: на кликъ перваго сорта, просто кликъ и просто шампанское.

Минусинскъ — городокъ чистенькій, съ небольшимъ народонаселеніемъ около тысячи человекъ, занимающихся преимущественно хлѣбопашествомъ, которымъ Минусинскій-Округъ изобилуетъ; картофель разводится здѣсь тоже весьма-усердно. Сбытъ хлѣба на золотые промыслы какъ у себя, такъ и внизъ по Енисею, приносятъ жителямъ большія выгоды. При всемъ томъ жители не такъ испортились отъ близкаго сосѣдства золотыхъ промысловъ: пьянство, развратъ и воровство не развиты еще здѣсь въ той степени, до которой дошли въ-которыхъ другія мѣста, посѣщаемыя людьми, побывавшими на золотыхъ приискахъ, особенно на богатыхъ.

Городъ этотъ стоитъ на песчаной степи, заросшей польнью; и отъ-того сливки здѣсь прегорькія. Въ немъ одна только церковь, есть домъ полиціи съ казанчей и — роскошь маленькихъ городковъ — фонари, никакъ дѣлая дюжина, которые зажигаются только въ

самые торжественные дни. Гостиницы нѣтъ: прїѣзжіе останавливаются, какъ это обыкновенно ведется, начиная еще съ города Перми — на постоялыхъ дворахъ. Прислуживаетъ всегда прекрасный полкъ; берутъ отъ двухъ рублей до двухъ съ половиною ассигнаціями съ человѣка: тутъ и квартира, и приборъ для чая, и обѣдъ, и ужинъ. Во время моего пребыванія въ этомъ городѣ, что продолжалось однажды цѣлый мѣсяцъ, каждый день мнѣ подавали: въ обѣдъ—щи и жареную утку, въ ужинъ — жареную утку и щи; другихъ перемины не было.

Каратузь—крайнее русское селеніе въ этомъ направленіи, между Минусинскомъ и китайской границей. Это казачій форпостъ, резиденція золото-промышленниковъ, а по-просту сказать, деревня. Пѣскольхо десятковъ казаковъ, исполняющихъ полицейскую обязанность, не придаютъ особеннаго колорита этой мѣстности; но особенность свою Каратузь приобрѣлъ при развитіи въ этомъ краю золотой промышленности. Онъ замѣчательнъ тѣмъ, что золотопромышленники выстроили здѣсь себѣ хорошіе дома, основали складочныя мѣста, завели конторы и исключительно тутъ производятъ свои распорядительныя операціи. Отъ-того всѣ подобныя Каратузу крайнія къ прискамъ деревни со складочными мѣстами и называются *резиденціями*, то-есть факторіями, въ какихъ бы округахъ они ни были учреждены. Въ продолженіе цѣлаго года резиденціи эти кипятъ жизнью: здѣсь происходятъ запорядки товаровъ, прїемъ ихъ изъ другихъ деревень, наемка рабочихъ, иногда разсѣгъ ихъ, отправка тяжестей на приски, зимою въ узенькихъ саняхъ, въ которыя лошади впрягаются гусемъ, одна за другой, а лѣтомъ на вьючныхъ лошадяхъ,—и всѣ другія предуготовительныя распоряженія. Исполнительныя операціи золотопромышленниковъ, то-есть поиски, разработка и добываніе золота производится на самыхъ прискахъ, въ мѣстахъ внѣ человѣческихъ

жилищъ, въ глубинѣ горъ, въ глуши, въ долинахъ удаленныхъ отъ деревень часто верстъ на двѣсти, на триста, *въ тайнѣ*, то-есть въ дѣвственныхъ черныхъ лѣсахъ, жилищъ однихъ бродячихъ инородцевъ, которые, конечно, отсюда удаляются и занимаютъ другія мѣста, гдѣ ничто не можетъ мѣшать ихъ обычнымъ занятіямъ и гдѣ звѣрь еще не разогнанъ постояннымъ присутствіемъ человѣка и безпрестаннымъ шумомъ и грохотомъ, которымъ обыкновенно сопровождаются прискоковыя работы.

Инородцевъ я встрѣтилъ еще въ Минусинскѣ; здѣсь, въ Каратузѣ, я видѣлъ ихъ больше и замѣтилъ, что физономіи тѣхъ и другихъ весьма-различны и даютъ поводъ къ несомнѣнному заключенію, что въ этомъ краю разсѣяны разныя совершенно-отдѣльныя другъ отъ друга, племена. Живутъ они въ коническихъ *урадахъ*, шалашахъ изъ тонкихъ жердей, воткнутыхъ подъ угломъ въ землю и соединенныхъ между собою противоположными концами, а сверху обложенныхъ искусно-содранною корою. Управление инородцами этого края сосредоточено въ трехъ степныхъ думахъ: Койбальской, Качинской и Сагайской, гдѣ имъ ведутся точные списки.

Я видѣлъ множество кургановъ, уставленныхъ по угламъ высокими каменными плитами ребромъ и расположенныхъ правильными улицами съ замѣтною симметриєю, видѣлъ невѣдомыя мнѣ надписи на утесистыхъ берегахъ Енисея и, замѣтивъ между ними русскія слова, обозначавшія фамилію извѣстнаго путешественника г. Щукина, начертавшаго ихъ на неприступной скалѣ, задумалъ-было самъ увѣковѣчить тутъ же свое имя; но, поразсудивъ, что для достиженія желанной высоты въ глазахъ потомства — надо было прежде, кромѣ потери времени, разъ двадцать умереть, разбивъ голову объ окранныя береговуихъ камней или погибнуть въ пучинахъ Енисея,— я убѣдился, что потомство не заслужи-

до еще подобной жертвы съ моей стороны, и затѣю свою оставилъ.

Въ бытность мою въ этихъ краяхъ, прѣхалъ туда же какой-то путешественникъ, которому вдругъ, безъ всякихъ приготовленій, пришла въ голову мысль заняться изслѣдованіями объ инородцахъ. Не зная, съ какой стороны приняться за это дѣло, онъ сталъ разспрашивать о нихъ у здѣшнихъ жителей. Узнавъ отъ нихъ, что это все Татары, все Чудь, путешественникъ нашъ замѣтилъ весьма-основательно, что здѣшніе Татары не похожи на казанскихъ Татаръ, торгующихъ мыломъ и халатами. Чтoby познакомиться съ ними поближе, онъ рѣшился разговаривать съ первымъ полудикимъ, который ему попадется и въ этихъ видахъ встрѣтился съ широкоплечимъ молодцомъ. Голова у него была не бритая и украшена длинными червыми волосами; глаза большіе темнокарие, быстрый взглядъ, бѣлые какъ жемчугъ зубы, довольно-красивыя черты лица, смуглая кожа и весьма-рѣдкіе коротенькіе волосы на усахъ и на бородѣ.

— Какъ тебя зовутъ, любезный другъ? спросилъ непрigотовленный къ дѣлу путешественникъ.

— А тебѣ зачѣмъ? отвѣчалъ ясачный.

— Развѣ тебя нельзя спросити?

— Да тебѣ, бачка, чтo въ томъ, какъ меня зовутъ?

— А я хотѣлъ-было дать тебѣ на водку, если ты будешь отвѣчать на мои вопросы, возразилъ тонкій ученый, затронувъ нѣжную струну своего субъекта, котораго онъ непременно хотѣлъ считать за прототипа всѣхъ здѣшнихъ туземцевъ.

— А! если на водку сулишь — спрашивай, бачка! Больше спрашивай!

— Какъ же тебя зовутъ?

— Кулунакъ Наргозѣвъ, бачка.

— Кто жъ ты такой?

— А никто!

— Не правда; первое дѣло — ты человекъ.

— Ха, ха, бачка! кто жъ не человекъ? И я человекъ! Про это и спрашивать нечего.

— Какой же ты человекъ: русскій или не русскій?

— Нѣтъ, бачка, я не русскій; я ясачный; я асакъ даю.

— Этого мало: вотъ Кузьма Сидоровъ, у котораго я остановился... доведись, что ему велать асакъ платить, а все онъ не будетъ такой ясачный, какъ ты.

— Нѣтъ, бачка, не будетъ.

— Отъ-чего же?

— Онъ крещеный Русскій, а я Чудь, Татаринъ.

— А какъ ты Богу молишься?

— Такъ же, какъ и Кузьма, и я крещеный.

— А прежде кто ты былъ: мухаммеданинъ? спросилъ путешественникъ, увѣренный, что всякій Татаринъ непременно долженъ быть не иначе, какъ мухаммеданиномъ.

— Какой такой?

— Ты вѣрилъ Мухаммелу?

— Не слыхалъ, бачка; мудроно говоришь.

— Прежде чѣмъ тебѣ крестъ надѣли, какъ ты Богу молился?

— Не знаю, бачка; это давно было.

— Какъ ты съ своими ясачными же разговариваешь?

— Такъ же, какъ съ тобой, бачка: я спрошу — они скажутъ, а они спросятъ — я имъ скажу.

— Да нѣтъ, не то! Какой вы народъ — вотъ что мнѣ хочется знать.

— О, мы народъ хорошій!

Недобившись толку отъ ясачнаго, путешественникъ бросилъ свои изслѣдованія и лишилъ науку драгоценныхъ открытій историческихъ и филологическихъ.

А между-тѣмъ о сибирскихъ инородцахъ многое извѣстно, хотя, вообще говоря, до-сихъ-поръ нѣтъ полного и удовлетворительнаго ихъ описанія въ одномъ цѣломъ, чтo для частнаго человека весьма-затруднительно. Не будучи посвящены въ тайны Востока, не обладая тѣми знаніями и средствами,

безъ которыхъ нельзя рѣшиться на глубоко-ученыя изслѣдованія о разноплеменныхъ народахъ Сибири, да и не имѣя на то ни малѣйшаго притязанія, мы тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ исчислить здѣсь эти народы и присоветовать о нихъ тѣ отрывочныя, но, можетъ-быть, для иныхъ нелишныя интереса извѣстія, которыя довелось намъ или самимъ собрать, или вычитать изъ книгъ, бывшихъ подъ рукою, нисколько не ручаясь за достовѣрность приводимыхъ нами преданій, коль скоро они не подтверждаются официальными документами или другими неопровержимыми источниками.

Начнемъ съ Пермской-Губернii.

Въ ней ивородцевъ считается: Татари, Черемисы и Пермьковъ 24,000 душъ, Башкировъ и Тептерей 40,000 душъ, Вогуловъ до 1500 душъ.

Изъ числа этихъ 65,500 душъ 58,000 мухаммедане и 7500 Вогуловъ и Черемисовъ язычники (6).

Вогулы, Вотяки, Остяки и Черемисы извѣстны Русскимъ издавна и еще въ шестнадцатомъ столѣтiи беспокоили наши владѣнiя своими набѣгами; такъ въ 1572 году дана была Якову Строгонову грамота о посылкѣ казаковъ, Остяковъ и Вогуличей для прекращенiя опустошенiй, произведенныхъ Черемисами по Камѣ; въ 1581 году даны были двѣ грамоты о посылкѣ ратныхъ людей для охраненiя ихъ отъ набѣговъ Вогуличей, а въ 1582 году велѣно было выслать въ Чердынь атамана Ермака Тимоѣева и волжскихъ казаковъ, вооружившихъ своими набѣгами Вотяковъ и Вогуличей (7). По писцовой книгѣ Михайла Корсакова, у Татаръ и Остяковъ заводились еще въ 1623 году селенiя вмѣстѣ съ выходцами изъ Чердыни, Вятчанами. По повелѣнiю царя Михайла Ѳедоровича земля около города Кулгура принадлежала претскимъ Татарамъ (8).

Объ ивородцахъ по Ишиму есть преданiе, что Калмыки или Буряты, выходцы бухарскiе, имѣли хана Тохтамыша, сына Цалаева. Скитаюсь по пустынямъ, они проходили рѣку Ишимъ. Въ то время убѣжалъ у нихъ многочисленный табунъ лошадей; для отысканiя ихъ остались здѣсь тридцать-три табунщика, и при нихъ три женщины. Занявшись отыскиванiемъ лошадей, они такъ отъ сотоварищей своихъ отстали, что нагнать ихъ уже не могли, а потому и расположились жить по рѣкѣ Ишиму, принявъ себѣ прозванiе Хазахъ, что, по словамъ ихъ, означало заблудившихся. Вскорѣ послѣ того, именно въ 1603 году, они безъ сопротивленiя были покорены казанами (9). Въ Ишимскомъ-Округѣ осѣдлыхъ Татаръ и Ташкентцовъ считается до 700 душъ обоего пола, а кочевыхъ Киргизовъ до 800 душъ (10).

Барабицы и тарскiе юртовые подюродные Татары отъ налоговъ и тяготы тарскихъ воеводъ князя Юрья Шаховскаго съ товарищами — учинили возстанiе. Побивъ служилыхъ людей, они ссылались съ Бѣлыми Калмыками и не смотря на шерть, или присягу, которую они дали по своей вѣрѣ на коранѣ, въ 1608 году откочевали изъ рѣку Чулымъ, да на Карагаты. Посланный къ нимъ для уговора тобольскiй служилый Татаринъ, Кизилбай Капландаевъ, привезъ съ собой князца Кугу Такова, брата Малгутана Кучагова, да Алчугуна Чагирова. Они объявили, что князецъ ихъ Декуту обрадовался зау и милости царской, и всѣ они прикочуютъ назадъ. Изъ шерти и статейнаго списка ихъ видно, что они измѣнили отъ лихихъ насильствъ Шаховскаго съ товарищи, да ротмистра Кротова и боярскаго сына Шахова, которые съ нихъ большiя взятки брали и женъ и дочерей къ себѣ отнимали. Въ 1609 году, къ измѣнникамъ Барабинцамъ присоединились и юртовскiе Татары. Они послѣ прикоче-

(6) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1846 года, № 4.

(7) Журн. Мин. Нар. Просв. 1843 года, № 10.

(8) Г. Лосевъ.

(9) Г. Лосевъ.

(10) Ж. М. В. Д. 1843 № 4.

вали обратно, но не всё; въ 1633 году ненкорныхъ велѣно было принудить къ тому силою оружiя (11).

Бухарцы поселились въ Сибири съ давнихъ временъ, на покупныхъ земляхъ, въ числѣ 83 человекъ. Изъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича 1645 года, подтвержденной царями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ 1686 году, видно, что они преимущественно занимались торговлею въ русскихъ городахъ. Въ 1701 году Бухарцы обложены денежною податью (12).

Башкиры происхожденiе свое ведутъ то отъ Ногаевъ, то отъ Бурятъ, а народныя сказки даютъ имъ въ родоначальники Чингис - Хана. По нѣкоторымъ признакамъ ученые заключаютъ, что Башкиры смѣсь племенъ татарскаго, монгольскаго и чудскаго (13). На Башкирцевъ было положено сбора 22,738 рублей 78 копеекъ; но они его не платили. Въ табели окладныхъ и неокладныхъ сборовъ противъ этой цифры Петръ-Великій, въ 1724 году, поставилъ крѣзь, крестъ, что означало, чтобъ сборъ этотъ отставитъ (14).

О томскихъ Татарлахъ или *Бутмицахъ* мы уже имѣли случай говорить въ прошедшемъ мѣсяцѣ; прибавимъ здѣсь только то, что остатки древней крѣпостцы, на противоположной горю Томску сторонѣ рѣки Томи, по разказамъ ученаго путешественника, доктора Кастрена, до сихъ поръ носятъ названiе городка, который былъ вимнымъ мѣстопробыванiемъ князца Тояна (15).

Кийскiе Татары кочевали въ пустынныхъ равнинахъ, орошаемыхъ рѣкою Кіею, въ Томскомъ-Округѣ. Объ нихъ сохранилась одна грамота слѣдующаго содержания:

«По государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Рос-

«сiи указу отъ государевыхъ воеводъ,
«отъ князя Ивана Ѳеодоровича Татеева
«съ товарищи — Томскаго Уѣзда Кій-
«ской Волости князю Курчею. — На-
«предъ сего ты великому государю
«царю и великому князю всея Россiи
«самодержцу и многихъ государствъ
«государю и обладателю по своей вѣ-
«рѣ далъ въ свою правду шерть, съ
«тѣмъ, чтобы тебѣ со всею своею кій-
«скою волостію государю царю и ве-
«ликому князю Михаилу Ѳеодоровичу
«всея Россiи служить, и прямиать, и
«добра хотѣть во всемъ, и быть подъ
«его государевую царскую рукою и
«прямомъ холопствѣ навѣки неотступ-
«но, и съ людей своихъ давать госу-
«дарю по десяти соболей съ человекъна.
«—И ты, Курчей, правду свою и шерть
«на сей великому государю царю и ве-
«ликому князю Михаилу Ѳеодоровичу
«шерть ждалъ государеву къ себѣ ми-
«лостъ и жалованье. А забылъ: въ про-
«шломъ ³рѣк (1624) году великому го-
«сударю царю и великому князю Ми-
«хаилу Ѳеодоровичу всея Россiи из-
«мѣнилъ, со всею своею кійскою воло-
«стію бѣжалъ къ государевымъ измѣн-
«никамъ въ киргизскую землицу не-
«вѣдомо отъ чего, отъ тѣсноты ли
«чьей, или отъ продажи. И по сіе вре-
«мя къ государевой милости не обра-
«тился, въ Томскѣ городъ не йдешь и
«въ винахъ своихъ государю не бьешь
«челомъ. А нынѣ прислалъ ты въ
«Томскѣ городъ съ государевымъ яса-
«комъ брата своего Кашина, а самъ
«въ городъ не пришелъ. — А ты бы,
«Курчей, помня свою прежнюю не-
«правду, въ чемъ ты великому госу-
«дарю царю и великому князю Михаи-
«лу Ѳеодоровичу всея Россiи шерть
«далъ, отъ измѣны своей отсталъ и
«обратился къ великому государю ца-
«ррю и великому князю Михаилу Ѳео-
«доровичу и бѣхалъ бы въ городъ и
«далъ шерть на томъ, что тебѣ быть
«подъ его государевую царскую ру-
«кою въ прямомъ холопствѣ на вѣки
«неотступно. А государь царь и вели-
«кій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея
«Россiи тебя, Курчей, пожалуетъ по-

(11) П. С. З. Р. И. № 1670.

(12) Тамъ же, №№ 1209, 1837 и 4486.

(13) Ж. М. Н. П. 1843 № 7.

(14) П. С. З. Р. И. № 4548.

(15) Ж. М. Н. П. 1846 № 6.

«прежнему, твоихъ винъ вспомнеть
«не велить, а велить тебя держать въ
«своёмъ государскомъ милостивомъ
«приарѣнн и отъ недруговъ твоихъ
«тебя во всемъ оборонить. — А отъ ко-
«го тебѣ и всей твоей кійской волости
«людямъ были какія насильства и тѣ-
«сноты или продажи отъ воеводъ или
«служилыхъ людей — ты бы на тѣхъ
«людей принесъ къ государю царю и
«великому князю Михаилу Θεодорови-
«чу всея Россіи объ обидахъ своихъ
«челобитную. Государь царь и великій
«князь Михаилъ Θεодоровичъ велить
«тебѣ на тѣхъ людей дать оборону
«безъ пощады и государево жалованье
«тебѣ будетъ въ Томскомъ городѣ и
«кормь довольный и назадъ велить те-
«бя государь отпустить въ свою во-
«лость безъ задержанія. — А сія тебѣ
«грамота опасная; и ты бы сей опас-
«ной грамотѣ вѣрилъ безъ всякаго
«опасенія: кромѣ тебѣ государственной
«милости и жалованья — ничего не бу-
«детъ. — Къ сей опасной грамотѣ госу-
«дареву цареву и великаго князя Ми-
«хаила Θεодоровича всея Россіи пе-
«чать царства Сибирскаго Томскаго го-
«рода приложилъ воевода князь Иванъ
«Татевъ, лѣта ³³7140 — 1632) де-
«кабря ки (28) дня» (16).

Вѣроятно этотъ Курчей былъ пре-
емникъ князца Умака, о которомъ еу-
штинскій князекъ Тоияъ упоминалъ
въ прошеніи къ царю Борису Θεодо-
ровичу въ 1604 году, и изслѣдованіе о
которомъ наша Академія возложила
между прочимъ на ученаго путеше-
ственника доктора Кастрена. Умакъ
жилъ въ четырнадцати дняхъ пути отъ
Еуштиняцевъ, слѣдовательно отъ Том-
ска; а отъ Томска до нынѣшняго ог-
ромнаго кійскаго села, находящагося
между городами Томскомъ и Ачин-
скомъ, на берегу Кіи, будетъ ровно
двѣ недѣли пѣшаго хода, конечно съ
растаканьями.

Черные Татары сближаются къ
городу Кузнецку; живутъ домами; во-

(16) Г. Лосевъ, пользовавшійся, какъ онъ
самъ говоритъ, дѣлами Иркутскаго Архива.

обще крещены, но придерживаются
шаманства; хлѣбопашествомъ занима-
ются единственно для удовлетворенія
собственныхъ только своихъ нуждъ и
отличаются допотопнымъ способомъ
приготовленія муки въ пищу. — По соз-
рѣнн зерна, они срѣзываютъ про-
стымъ пожомъ солому близъ самаго
колоса, связываютъ въ небольшіе сно-
пы, просушиваютъ ихъ на жерди, на
чистомъ воздухѣ, потомъ каждый
снопъ отдѣльно насаживаютъ на шесть
и зажигаютъ. Когда солома перегоритъ,
и зерно, все еще въ шелухѣ, от-
дѣлится, — они молотятъ его кривою
палкою и собираютъ, какъ говорятъ
Сибиряки, въ *тѣлсы*, или по-нашему
бураки изъ бересты; потомъ чистое
зерно поджариваютъ на огнѣ въ кот-
лахъ, толкутъ въ ступѣ или трутъ ка-
менными плитками и, наконецъ, муку
съ водою употребляютъ въ пищу. Кро-
мѣ этого они ѣдятъ рыбу и птицу, мя-
со дикихъ животныхъ и лошадей и не
гнушаются падалью (17).

Кумандинскіе Татары. Въ 1810 году
ихъ было шесть волостей: Нижне-
кумандинская, Верхнекумандинская,
Комляжская, Кузнецкая, Кергежская
и Южская; всего душъ 1209; ясаку
сбиралось по оцѣнкѣ на 1474 рубля
84 копейки. Жили они по рѣчкѣ Ку-
мандѣ, въ вершинахъ Біи, имѣющей
начало изъ озера Телецкаго, или Ал-
тынъ (по-русски, Золотаго), по бере-
гамъ Телецкаго Озера и по рѣчкѣ Ка-
тунни. — Родъ свой ведутъ отъ поддан-
ныхъ бывшаго въ сагайскихъ степяхъ
татарскаго князя Мегмета-Кула, брата
кучумова. Въ старые годы называ-
лись Телѣсами. Отъ Калмыковъ раз-
нятся во всемъ и съ ними не смѣшива-
ются; частію крещены, а болѣе при-
держиваются шаманства, называя вер-
ховнаго Создателя Бурханомъ. Жи-
вуть зимой въ землянкахъ, а лѣтомъ
въ шалахахъ, покрытыхъ берестою и

(17) «Записки о народахъ, обитающихъ
въ Біискомъ, Кузнецкомъ и Краснояр-
скомъ Округахъ» — канскаго землемѣра
Дмитренки около 1810 года, Рукопись.

корою, занимаются промысломъ звѣрей и нѣсколько земледѣиємъ. Тѣло-сложенія они весьма-слабаго; цвѣтъ лица — какъ у челоуѣка, изнуреннаго болѣзнями. Они одѣваются въ короткія овчинныя шубы, или въ халаты, толсто настегаанныя шерстью; рубахи носятъ безъ воротника; ноги обвертываютъ «Теплоу Травоу», растущую близъ озеръ и имѣющую свойство долго не изнашиваться. Женщины наряды свои покупаютъ въ селеніяхъ у Русскихъ. Дѣвки заплетаютъ нѣсколько косичекъ, привязывая къ нимъ яркаго цвѣта ленточки и лоскутки китайки; носятъ кольца и большія сережки. Умершихъ хоронятъ вдали отъ своихъ жилищъ, дѣлая на четырехъ столбахъ невысокія подмости; на нихъ кладутъ покойника, завернутаго въ разныя обноски и заваливаютъ лѣсомъ и каменьями (18).

Ачинскіе Татары. О происхожденіи ихъ нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Они обитаютъ въ Ачинскомъ-Округѣ Енисейской-Губерніи въ Ужурской Волости; всѣ они осѣдлые; одна половина ихъ, 385 душъ мужскаго пола и 363 души женскаго пола, несутъ обыкновенныя инородческія повинности деньгами, а другая половина, 435 душъ мужскаго пола и 341 душа женскаго пола, платятъ ясакъ натурой. Они болѣе уже ста лѣтъ крещены и слѣдуютъ во всемъ русскимъ обычаямъ; живутъ въ двадцати-пяти селеніяхъ (19).

Мелетскіе Татары. Название мелетскихъ происходитъ отъ бывшаго пѣкогда Мелѣтскаго-Острога, на мѣстѣ котораго находится нынѣ деревянная церковь и инородческая управа въ Ачинскомъ-Округѣ.—Мелетскихъ Татаръ считается 34 души мужскаго по-

ла и 32 женскаго; они осѣдлы, прилежно занимаются хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ; употребляютъ въ разговорѣ татарскій языкъ, но знаютъ и по-русски (20).

Якуты. По преданіямъ извѣстно, что Якуты отдѣлились отъ жителей существовавшихъ по Барабинской-Степи Татаръ, называвшихся Саха, которыхъ именемъ и Якуты себя называютъ. Название это однозвучно съ монгольскими Сахами, разрушившими около 130 года до Р. Хр. Бактрійское Царство. При разборѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, бумагъ въ иркутскомъ архивѣ, найденъ былъ слѣдующій отрывокъ:

«Въ старыхъ запискахъ, безъ означенія времени, видно, что нѣкій князь «Онь, поганской породы Татаръ, въ «старину у рѣки Ишима живущій, «имѣлъ подъ властію своею многихъ «иноплеменныхъ народовъ по Иртышѣ, «Тоболу, Турѣ и другимъ рѣкамъ. «Но противъ его возсталъ простой челоуѣкъ, «который побѣдилъ государя сего, «взялъ въ плѣнъ и умертвилъ «— и потомъ былъ повелитель подданныхъ «его. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ «явился къ нему сынъ умертвленнаго князя, «именемъ Талбуга. Котораго похититель княжеской «власти принялъ къ себѣ милостиво и «поручилъ ему войско противъ живущихъ у «рѣки Оби народовъ. Которыхъ онъ «усмирилъ и наложилъ на нихъ дань. «По возвращеніи его съ побѣдою и добычею, похитившій «власть княжескую сталъ именоваться «ханомъ, а побѣдителю позволилъ избрать «себѣ жилище; который и построилъ «городъ Чингиндъ, въ коемъ жилъ «спокойно до смерти своей. И до- «сталось наследство дѣтямъ, но не «долго, ибо дѣти его были оттуда «изгнаны мятешниками. Одинъ изъ «нихъ, называвшійся Онеомъ, пришелъ на «устье рѣки Ишима, и построилъ «родъ Кизельтуру. По немъ «наследовалъ Иртушемъ, по имени котораго и

(18) «Записки и наблюденія съ 1804 г. о Кумандинскихъ Татарахъ, Таутелеутахъ и Калмыкахъ бійскаго земскаго исправника, обер-берг-гауптмана 6-го класса Александра Горохова 1811. Рукопись.

(19) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1843 г. № 8.

Т. LIV. — Отд. VIII.

(20) Тамъ же.

«рѣка Иртышъ получила названіе. Но тюменскій ханъ приступилъ нечаянно войною и побѣдилъ его, а по выгнаніи его изъ города оставилъ, вмѣсто владѣльца, нѣкотораго Сарчичика съ принадлежащими ему родовичами, отъ которыхъ и племя татарское прозвано Сарчичикъ. Изгнанникъ прибѣгъ къ князю казачьей орды, гдѣ живучи, имѣлъ сына, князя Мымаха или Маймака, который по смерти отца своего плѣвнень сибирскимъ княземъ Холаемъ, отъ коего оставшійся наслѣдникъ Марь имѣлъ въ супружествѣ сестру казанскаго хана Улака. Но былъ весьма несчастливъ, потому что казанскій ханъ зятя своего Марь плѣнилъ войною съ сынами Обдеромъ и Ебалакомъ, занявъ столицу Чингидинъ, а отъ несчастнаго поколѣвія оставшіяся двѣ младыя отрасли и жизни лишитъ повелѣлъ. Тогда-то упомянутый Мымахъ или Маймакъ съ родственниками бѣжалъ къ сильному предводителю татарскихъ родовъ Омого-и-бай, который принялъ его въ покровительство свое, принужденъ былъ изъ родины своей въ Барабійскія Степи переселиться по причинѣ пришествія Россіявъ, коихъ оружіе вездѣ тогда прозвучало славу побѣдъ.—Омого-и-бай съ Мымахомъ пришли къ Монголамъ, но были приняты непріятелями, отъ которыхъ улазились они съ людьми своими внизъ по Ленѣ, — и тамъ покорены Россіянами.»

Омого-и-бай извѣстенъ по преданіямъ какъ первый предводитель Якутовъ. Вмѣстѣ съ подвластными ему племенами, онъ былъ выгнанъ изъ родины своей силою русскаго оружія и удалился сперва къ вершинѣ Лены; но когда Бураты и Тунгусы оттуда его прогнали, то онъ уступилъ на плотахъ внизъ по рѣкѣ Ленѣ до Гусиныхъ Горъ, гдѣ Бураты и Тунгусы его нагнали и начали кровопролитное сраженіе.—Мѣсто это и Бураты и Тунгусы и Якуты согласно показываютъ.—Первое извѣстіе о нихъ Русскіе получили въ 1621 году, когда вилюйскіе

Тунгусы извѣстили мангазейскихъ казаковъ, что Якуты, со скотомъ своимъ, вышедшіе изъ красноярскихъ предѣловъ, — въ многочисленныхъ стеченіяхъ заняли мѣста по Ленѣ, начиная отъ устья впадающей въ нее съ западной стороны, между рѣками Витимомъ и Олекмою, рѣки, называемой Нюй, между Леною и Вилюемъ, по рѣкамъ Оленёку, Алдану, Яну и Пидигиркѣ и вытѣснили Тунгусовъ съ природныхъ ихъ мѣстъ (21).

Нѣсколько Якутовъ, и именно только два рода обитаютъ нынѣ въ туруханскомъ краѣ, на берегахъ Вилюя, около селенія Шорохина и по берегамъ Хёты, Боганйлы и Хатанги (22). Но большинство Якутовъ занимаетъ теперь отдѣльную область, которой они и сообщили свое названіе. Они стоятъ на самой низшей степени образованія, грамоты не имѣютъ, мало занимаются земледѣіемъ и находятся въ крайней бѣдности. Живутъ они въ деревянныхъ юртахъ, питаются чѣмъ попало, даже палашю, не ѣдятъ только собакъ, которыя, вмѣстѣ съ оленями, рогатымъ скотомъ и лошадыми, составляютъ все ихъ богатство. И лѣтомъ и зимою они носятъ одинъ и тотъ же костюмъ — зипунъ изъ звѣриныхъ кожъ, крытый грубымъ сукномъ. Одни только богатые князцы носятъ рубахи изъ *дабы*, бумажной матеріи синяго цвѣта, и зипуны, крытые синимъ сукномъ. Якуты замѣчательны своими искусствомъ рѣзать изъ кости гребни и шкатулки и шить разноцѣтныя ковры изъ конской кожи. Они отъ языческой вѣры давно уже отстали, но на утверженіе ихъ въ правилахъ христіанскаго благочестія тѣперь обращено особенно ревностное вниманіе (23).

Замѣтимъ въ заключеніе, что о происхожденіи названія Татаръ есть мнѣніе, что это потомки древняго племени Та-та, принадлежавшаго къ обширно-

(21) Г. Лосевъ.

(22) Г. Кепленъ: Пвструкція доктору Кастрену.

(23) Ж. М. В. Д. 1844 г. № 11.

му и могущественному царству Уйгурскому, котораго столицею былъ городъ Годинъ или Горинъ; въ окрестностяхъ этого города заложень былъ нынѣшній Селенгинскъ (24).

Самоѣды въ древности были сопредѣльны Финнамъ. На томъ основаніи, что Финны называли себя Соумалень, а Лапландцы землѣ своей даютъ названіе Самоядна, многіе считаютъ Самоѣдовъ и Лапландцевъ за одинъ народъ. Сибирскіе Самоѣды, занимавшіе мѣсто при Анабарѣ-Рѣкѣ и влодъ Ледовитаго-Моря, вмѣстѣ съ Вогуличами, Остяками и Татарами, отъ Кучумахана предались Русскимъ въ 1611 году (25). Въ настоящее время, Самоѣды обитаютъ въ Мезенскомъ-Округѣ Архангельской-Губерніи, въ Березовскомъ-Округѣ Тобольской-Губерніи; къ сѣверу отъ рѣки Сѣни, впадающей въ Обь съ лѣвой стороны, при заливѣ Обскомъ и на востокъ отъ Оби, хотя эти послѣднія племена Клапротъ и составитель остяцкаго словаря, тобольскій священникъ Вологодскій, отчисляютъ къ Остякамъ. Самоѣдское же племя занимаетъ мѣста вверхъ по рѣкѣ Тазу, по обомъ берегамъ этой рѣки и на тундрѣ между Тазомъ и Енисеемъ, по притокамъ Оби: Вагѣ, Тѣму и Кѣги, Парабѣлу и Чульму до Томска и близъ Васюгана или Васегана. Отъ Нижней-Оби на востокъ до рѣки Хатанги, все пространство обитаемо именно Самоѣдами, или, по-крайней-мѣрѣ, сродными имъ племенами. Наконецъ по берегамъ рѣкъ Хѣты, Пясины, Хатанги и Таймура обитаютъ также Самоѣды (26).

Къ Самоѣдамъ же причисляютъ Маторовъ, Юраковъ или Юрацовъ и Камажениловъ, Камышинцовъ, Камасинцовъ или правильнѣе Камачинцовъ.

Маторы весьма-немногочисленное племя, не упоминаемое даже въ офи-

ціальныхъ бумагахъ инородческихъ думъ. Въ минувшемъ десятилѣтіи ихъ считалось не болѣе девяти семействъ (27).

Юраки—самый сѣверный родъ Самоѣдовъ. Въ дополнительной инструкціи капитан-командору Берингу 16 марта 1733 года, относительно этихъ племенъ, между-прочимъ, было сказано: между Оби и Енисея рѣкъ кочуютъ такъ-называемые Юрацкая Самоядъ, которые въ ясакъ еще не обложены и всегдашнія съ Остяками драки имѣютъ (28). Нынѣ племя это бродитъ съ лѣвой стороны Енисея по тундрѣ къ морю.

Камачинцы, кочующіе въ Канскомъ-Округѣ, раздѣляются на три улуса: 1) Абалаковъ, 85 душъ мужескаго пола и 76 женскаго; они бродячіе и занимаютъ мѣста по рѣчкѣ Шимжѣ, по рѣкамъ Кавѣ, Мавѣ, Пѣзо и около Вѣлогорья по рѣчкѣ Кулѣжѣ, Мѣми, Кирѣлѣ, Анжѣ, Тѣкмѣ, Кужѣ, Игилѣ, Иларѣ, Кунгусѣ и Тайбѣ. Пристанище, которое они посѣщаютъ наиболѣе—это мѣсто около деревни Анжи, въ 150 или 200 верстахъ, въ вершинахъ рѣкъ Кана, Маны и Шалки, палшей въ Минусинскомъ-Округѣ въ рѣку Енисей; 2) Угомаковскій-Улусъ, состоящій изъ смѣси съ Татарами, заключаетъ въ себѣ бродячихъ 7 душъ мужескаго пола и 3 женскаго и кочевыхъ 89 душъ мужескаго пола и 63 женскаго. Они кочуютъ по берегамъ рѣки Рыбной въ 156 верстахъ отъ Канска и далѣе по рѣчкѣ Синерѣ и Сѣлбѣ, равно какъ и на сосѣднихъ степяхъ; тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ постоянного пристанища, каждые два года его мѣняютъ, судя по тому, гдѣ находятъ лучшую охоту. Нѣкоторые изъ нихъ даже переселились въ Малорыбинское, Анжинское и Найское или Перовое селенія Канскаго-Округа, и 3) Агульскій или Пантыковъ-Улусъ, состоитъ изъ 42 душъ мужескаго пола и 34 душъ женскаго пола. Они по-большей-части

(24) Тамъ же 1844 г., № 4.

(25) Г. Лосевъ.

(26) Ж. М. Н. П. 1845 г., № 4 и 1846 г. №№ 4 и 6; и Енисейская-Губернія г. Степанова 1835.

(27) Тамъ же.

(28) П. С. З. Р. И. № 6351.

живуть разсѣянно въ русскихъ селеніяхъ, между старожилами, то-есть Русскими, съ давнихъ лѣтъ поселившимися въ Сибири; немногіе только обитають въ своихъ юртахъ при рѣчкѣ Агулѣ, во стѣ верстахъ отъ Кавска. — Всѣ Камачинцы православнаго вѣроисповѣданія (29).

Остяки, или Юштяки. Слово это, какъ увѣряють, означало у чудскихъ племень то же, что у Грековъ Барбаросъ, а у Русскихъ Нѣмецъ — все не-русское на западъ, или Чудь, Чужь — все не-русское на востокъ, то-есть, чело-вѣкъ чуждый, дикій. Они еще въ 1608 году не только покорились Россіи, но оказывали побѣдителямъ, подъ предводительствомъ своихъ князевъ Урмука и Намака, вспоможеніе къ преодоленію восточныхъ порубежныхъ съ ними народовъ. — По собственнымъ ихъ преданіямъ Остяки происходятъ отъ Пермиковъ; тѣ, которые обитали по рѣкамъ Кети и Томи, въ языкѣ своемъ весьма-много сходствовали съ Самоѣдами и въ семнадцатомъ столѣтіи раздѣлялись на слѣдующіе четыре рода: Ариновъ, Катовъ, Койбаловъ и Асановъ. Перешедши отсюда въ 1610 году на рѣку Верхнюю-Тунгуску, они начали не только тѣснить и разорять ясачныхъ Тунгусовъ, но даже сопротивлялись небольшимъ отрядамъ казаковъ; наконецъ дошло до того, что и казаки стали ихъ робѣть, а Тунгусы, совершенно пораженные страхомъ дальнѣйшихъ опасностей, мало-по-малу разошлись въ разныя стороны (30).

Въ настоящее время, Остяки кочуютъ тамъ же, гдѣ и Самоѣды, вслѣдъ за ними. Рѣка Сыня, впадающая, ниже Березова, съ лѣвой стороны въ рѣку Обь, есть самый сѣверный предѣлъ Остяковъ (31). — Далѣе на востокъ, Остяки кочуютъ въ Туруханскомъ Краѣ: три рода на берегахъ Турухан-

ки, Таза и Курейки, а два рода на берегахъ Аганы и Нарильски, и, наконецъ, еще далѣе три рода ихъ занимають мѣста около Анциферовской-Волости и Маковской-Пристани на Кети (32). — Кочующіе на Енисей, надъ Туруханскомъ, при Южной-Тунгускѣ, такъ-называемые енисейскіе Остяки, или Енисейцы, имбацкіе Остяки, называвшіеся прежде Этъ, Остяки по Елогую, пумпокольскіе Остяки и вымершія племена Асановъ, Катовъ и Ариновъ относятъ къ совершенно-отдѣльному отъ собственно такъ-называемыхъ Остяковъ поколѣнію, сходящему съ Остяками развѣ только въ томъ, что они также ведутъ кочевую жизнь. Во время пребыванія въ Сибири Миллера, въ 1735 году, Ариновъ оставалось въ Сибири только 9 семействъ, и между ними лишь одинъ старецъ говорилъ аринскимъ языкомъ. Арины покорены были въ 1608 году Русскими подъ начальствомъ кетскаго воеводы Молчанова. Всегдашнее кочевье ихъ было на устьѣ Качи, Енисейской-Губерніи, и владѣніе ихъ называлось Тулкою. Главная отрасль этого народа, подъ именемъ Ари, еще въ XIII столѣтіи переселилась съ береговъ Енисея вмѣстѣ съ Монголами въ страну, лежащую между Казанью и Вяткою и получившую отъ нихъ названіе Арской-Земли (33).

Койбалы, причисляемые одними къ татарскому племени, другими къ Самоѣдамъ, а третьими къ Остякамъ, кочуютъ въ Минусинскомъ-Округѣ на правомъ берегу Абакана, начиная отъ впаденія въ него Табата внизъ, до впаденія Абакана въ Енисей, по берегамъ Тубы и рѣчки Салбы. Койбаловъ въ послѣднее время считалось 635 душъ мужскаго и 493 души женскаго пола (34).

Къ Калхасскому племени причисляютъ существующія нынѣ въ магомъ числѣ семействъ племена *Алтыровъ*,

(29) Г. Кеппенъ: Дополнительная инструкция доктору Кастрену.

(30) Г. Лосевъ.

(31) Г. Шегренъ: Инструкция доктору Кастрену.

(32) Г. Кеппенъ.

(33) Э. Л. т. III и г. Шегренъ.

(34) Г. Кеппенъ.

Бельтировъ и Мрасовъ; всѣ они кочуютъ въ Минусинскомъ-Округѣ и управляются безъ различія въ соединенной Сагайской Степной Думѣ.

Алтыры издревле кочевали по Абакану. Они вѣстѣ съ Бельтирами добровольно пришли въ русское подданство еще въ 1610 году, въ то время, когда единоплеменники ихъ Киргизы, и именно средняя ихъ орда, явились непокорными русскому владычеству (35).

Бельтиры кочуютъ между Таштыпомъ и Абаканомъ, влѣво отъ Абакана; если я не ошибаюсь, то въ 1842 году ихъ было только два семейства. Въ прошломъ столѣтїи они содержали караулы на китайской границѣ при урочищѣ Шабин-Дабага и обязанность эту раздѣляли съ сосѣдями своими, Сагайцами (36).

Мрасы кочуютъ въ Минусинскомъ же Округѣ на берегахъ Мрасы (37).

О Киргизахъ мы здѣсь не упоминаемъ, потому-что племена ихъ общеизвѣстны изъ специальныхъ описаній.

Изъ огромнаго монгольскаго племени, раздѣлившагося на три обширныя отрасли, т. е. собственно такъ-называемыхъ Монголовъ, Бурятовъ и Ойратовъ или Калмыковъ — мы займемся сперва сибирскими Калмыками. Къ нимъ принадлежатъ: собственно такъ-называемые Калмыки, Сагайцы, Качинцы, Сойоты, Телеуты, Телегуты и Таутелеуты. Послѣднїе три племени именуется у насъ бѣлыми Калмыками.

Калмыки собственно такъ-называемые обитаютъ между Алтайскихъ-Горъ и раздѣляются на шесть дючинъ или волостей: первая — по рѣкамъ Катунѣ и Илимѣя; вторая, пятая и шестая — близъ озера Тенгїи и у рѣчекъ Сарасы, Сѣмы, Урсула и Каракола; а третья и четвертая при рѣчкахъ Канѣ, Эбаганѣ, Песчаной и Чарышу. Въ мѣ-

стахъ ихъ кочевья воздухъ всегда свѣжій и здоровый; большаго снѣга, кромѣ горъ, не бываетъ; растительность сильна, и, по стоянїи, снѣговъ молодая трава появляется на другой, много на третїй день. — Постояннаго жительства Калмыки не имѣютъ, а перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто съ своими юртами, которыхъ разстановка, равно какъ и сѣдланіе лошадей, лежитъ на обязанности женъ. — Калмыковъ считается 1203 души; ясака собирается по оцѣнкѣ на 1383 рубля 98 копеекъ.

Калмыки въ совершенное подданство Россїи поступили въ 1740 году (38); сами же они ведутъ численіе водворенія своего въ этихъ мѣстахъ отъ разоренія Зюнгорскаго-Царства Монголами и Киргиз-Кайсаками (39). — Калмыки по преданїямъ стариковъ рассказываютъ, что они прежде назывались Уйреты, Упреты или Элеты и находились въ подданствѣ Золотой-Орды Алтын-Хана (40) и переходили въ потомкахъ его до Кипчака. — Въ наружномъ видѣ, въ обрядахъ вѣры, въ языкѣ и въ обращенїи въ домашнемъ быту весьма сходствуютъ съ Зюнгорцами, обитающими по другой сторонѣ края (41).

(38) Видно изъ дѣлъ бывшей Тобольской Воеводской Канцелярїи. *Прим. г. Горохова.*

(39) *Кырзъ* — по-русски степь; *ыгзъ* — человекъ; *кай* — кто; *сакъ* — остороженъ; сами же Киргизы называютъ себя просто *Хазакъ*, — потерявшійся, заблудившійся, бѣглый, неимѣющій дома, разбойникъ.

Прим. г. Горохова.

(40) Къ Алтын-Хану было послано въ 1638 году изъ Москвы посольство (Ж. М. В. Д. 1843 г. № 7); а сынъ его Лоджанъ въ 1664 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ принявъ подданство Россїи, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ *Мунгальскаго Царя* (П. С. З. Р. И. № 367), а отъ царя Федора Алексѣевича получилъ милость царскую: двѣ половины сукна аглецкаго добраго, четыре портища камки и портище атласу добраго (П. С. З. Р. И. № 800).

(41) Зюнгорскія или джунгарскія племени еще въ XV столѣтїи составились изъ

(35) Ж. М. В. Д. 1844 г., № 4, и г. Лосевъ.

(36) П. С. З. Р. И. № 5189.

(37) Г. Кепченъ.

Зюнгорцы эти неоднократно порывались большими скопичами перейти на жительство по - сю - сторону Алтая (42), но всякій разъ были задерживаемы пограничными караулами Китайцевъ. Последнее покушеніе ихъ было въ 1808 году, но ихъ настигли на Саянскихъ-Горахъ и воротили назадъ, что и было причиною перелыски китайскаго правительства съ русскими мѣстными властями.

Калмыкамъ издавна предоставлено право *суглановъ* или общихъ съѣздовъ лучшихъ людей и родоначальниковъ на известное мѣсто; здѣсь они разсуждаютъ объ общественныхъ дѣлахъ, чинятъ разбирательство тяжбъ между своими; недовольные этимъ рѣшеніемъ приносятъ жалобы исправнику, который совершенно оканчиваетъ дѣло. — Сугланы эти, или мирскія сходки, составляемыя для славы ясака, сами собою обращаются въ ярмарки, коль скоро сюда съѣдутся торговцы (43).

Ясакъ Калмыки платили сначала въ городѣ Кузнецкѣ, а съ нынѣшняго столѣтія вносятъ его въ Війскъ (44).

Калмыки женятъ сыновей своихъ и выдаютъ замужъ дочерей по собственному своему благоусмотрѣнію, не заботясь о согласіи жениха и невѣсты: главную роль здѣсь играетъ *калымъ*, или плата за невѣсту. Число женъ не опредѣляется, ноограничивается обыкновенно четырьмя.

Родильницамъ въ родахъ помогаютъ родственницы, которыя въ послѣднія минуты мнутъ и давятъ ей животъ, а посѣтители, кто бы они ни были, ударяютъ большую три раза поклою, приговаривая «утуръ-барзынъ», т. е. выходи скорѣй. Новорожденнаго лѣ-

томъ тотчасъ же купаютъ въ водѣ и сушатъ на солнцѣ, или у огня, а зимой валяютъ въ снѣгу и, отогрѣвъ у огня, мажутъ всего масломъ, саломъ и сметаной. Потомъ даютъ иня, сообразное съ тѣмъ предметомъ, который старшему въ родѣ или съ перваго раза кинется въ глаза, или просто прійдетъ въ голову. — Ребенка до-тѣхъ-поръ, пока онъ не начнетъ ходить, кормятъ обыкновенно соскомъ изъ скотскаго или звѣринаго жира. Матери рѣдко кормятъ грудью. Мальчиковъ съ восьми лѣтъ приучаютъ ѣздить верхомъ на быкахъ и лошадяхъ, различать свою и чужую скотину, пасти ее, ловить лошадей на всемъ скаку арканами и, наконецъ, когда силы ихъ достаточно укрѣнятся — учатъ ловлѣ звѣрей и стрѣлянню изъ луковъ.

Грамоты у Калмыковъ нѣтъ вовсе.

Физиономія Калмыковъ известная: широкое, смуглое и, вдобавокъ, запачканное сажей лицо; черныя глаза въ узенькихъ щелкахъ; приплюснутый носъ; большой ротъ; синія губы; оттопыривныя уши; кривыя ноги отъ безпрестанной ѣзды верхомъ съ монгольской посадкой; рѣдкіе волосы на бордѣ, порядочные усы и на бритой головѣ, черная коса, въ которую, для красоты, вплетены еще конскіе волосы.

Одежда лѣтомъ и зимою — одна и та же: или шуба съ длинными рукавами, или *козанъ*, то-есть, та же шуба, только вовсе безъ шерсти; кожаныя *чембары*, или штаны; войлочные чулки; красные сапоги безъ каблуковъ съ толстыми подошвами, и плоская круглая шапка изъ желтой канфы, опушенная мѣхомъ и украшенная красною кистью.

Женщины имѣютъ тотъ же обликъ лица и такъ же одѣваются, какъ и мужчины, но сверхъ шубъ носятъ еще чегедекъ или камзолъ изъ канфы безъ рукавовъ. Въ косички, которыя онѣ носятъ въ большомъ количествѣ, онѣ вплетаютъ корольки, бисеръ, серебряныя бляхи и ракушки; на шеѣ — серебряныя обручи, моржанъ, корольки и бисеръ; на рукахъ кольца.

четырехъ калмыцкихъ поколѣній; по соединеніи этого края въ 1754 году, къ Китайской Имперіи, — на этихъ же мѣстахъ были поселены и наши волжскіе Калмыки, вышедшіе изъ Россіи въ 1771 году (Э. А. т. XVI).

(42) П. С. З. Р. И. № 11124.

(43) Тамъ же, № 29126.

(44) Тамъ же, № 19196.

Общія черты: крайняя неопытность, грязь, тупая способности, праздность. Кроме того, у мужчинъ картежная игра и пьянство.

Калмыки держатся шаманства. У нихъ есть смиренный богъ — Кутай Каираканъ Эбошъ, и злой чортъ — Казыръ-Шайтанъ. Тому и другому они приносятъ жертвы — лошадей, корову, быка или овцу при содѣйствіи шамановъ, и жертвенное мясо, изжаривъ на угляхъ, ѣдятъ, не допуская женщинъ присутствовать при этомъ. Показываются солнцу, которое почитаютъ за глазъ Бога — Харахъ-Кутай.

Калмыки превосходно стрѣляютъ изъ луковъ и ружей, которые у нихъ бываюгъ съ фитилемъ и занимаются звѣринымъ промысломъ въ *Бѣлкахъ*, находящихся во внутренности Алтая, и по краямъ его у Тигирека, у бухтарминскихъ покателей или въ Саянскихъ - Горахъ, примыкающихъ къ Кузнецку (45). Снѣгъ на Бѣлкахъ ни

когда совсѣмъ не таетъ; но случается по - временамъ, въ жаркое лѣто, что огромныя массы снѣга, въ вѣсколко сажень длины и толщины, отрываясь сверху горы, падаютъ на проложенную подлѣ горъ тропу.

Каждую изъ шести дюжинъ, на которыя раздѣлены Калмыки, управляетъ зайсангъ; ему подчинены одинъ или два демичей, т. е. сотника (46); подлѣ ними два или три шуленьги, ниже ихъ арбанаки.

Покойниковъ хоронятъ тремя различными способами: одни сожигаютъ ихъ вмѣстѣ съ лучшею лошадью и съ любимыми вещами, лукомъ, стрѣлами, съ сѣдломъ, платью и *шамдой* или трубкой; другіе отвозятъ ихъ въ горы и заваливаютъ камнями и лѣсомъ; третьи зашиваютъ покойника въ *кошму* или войлокъ, и вѣшаютъ на сукъ высокаго дерева (47).

Сагайцы обитаютъ между рѣками Аскѣзомъ и Эсью, по берегамъ Таштыпа и Арбата, текущихъ въ Абаканъ, по собственно такъ-называемой Сагайской-Степи. Число ихъ съ точностію нельзя опредѣлить: въ Сагайской Степной Думѣ, которой подчинены вмѣстѣ съ Сагайцами и Алтыры, Бельтиры и Мрасы — подвѣдомственныхъ ей ивородцевъ вообще считается 3897 душъ мужекаго и 4011 душъ женскаго пола (48). Сагайцы занимаютъ хлѣбопашествомъ единственно только про себя, засѣвая рожь, ярицу, ячмень и пшеницу. Сверхъ-того, промышляютъ ловлею пушныхъ звѣрей по правому берегу Енисея. Они почти всѣ крещены и только малая часть ихъ придерживается шаманства (49).

Качинцы, въ древнія времена называвшіеся Каши или Каштаръ, кочевали между Бѣлымъ и Чернымъ Юсами, и еще въ 1672 году, при князѣ Конкертотчинѣ, платили дань Русскимъ по

(45) Система алтайская съ юга ограничиваетъ обширное углубленіе сибирской почвы; она начинается у Змѣногорскаго-Рудника, тамъ, гдѣ впадаетъ рѣка Уба въ Иртышъ, и оканчивается у горъ Гурби, у южной оконечности Байкала. Длина всей цѣпи 21 градусъ долготы — 260 географическихъ миль или 4420 верстъ. Гумбольдтъ включаетъ въ эту систему и такъ-называемый Малый-Алтай, или Алтай-Бекли, и цѣпь саянскую и сѣвѣжныя вершины Тангцу и горъ Улангомъ-Ула. Система Алтайскихъ-Горъ окружаетъ источники Иртыша и Енисея; сѣверо-западная ея часть упирается въ Телецкое-Озеро и въ мѣсто соединенія Бин и Катуня. Восточная часть ихъ извѣстна подлѣ именованъ горъ Саянскихъ, Тангцу и Мала-на. За Байкаломъ, у Верхняго Кентля и горъ Даурин система алтайская соприкасается съ системами Западнаго-Хитана и Яблоннаго-Хребта. Собственно такъ-называемый Алтай почти весь находится въ русскихъ владѣніяхъ и образуетъ рѣшительно одну группу горъ, которая выдѣляется, какъ огромный мысъ, на западной оконечности цѣпей, входящихъ въ составъ алтайской системы (Ж. М. Н. П. 1844 г., № 5).

(46) 1247 ст. IX т. Свод. З. о Сост. изд. 1842 г.

(47) Г. Гороховъ.

(48) Ж. М. Н. П. 1843 г., № 8.

(49) Г. Дмитренко.

пяти соболей съ каждаго мужины. Происхожденіе свое воспѣвали такъ: «Кайда тугарь салъ? Кешта тюльби-генъ? Кемчуга изырь? Джиланту ки-валжиръ?» Что по-русски означаетъ: «Какого рода? Съ Кемчуга или Енисея? Изъ Змѣйнаго или изъ Красноярска?» Городомъ ихъ на Енисей Русскіе дѣйствительно овладѣли еще въ шестнадцатомъ столѣтіи (50). Нынѣ они обитаютъ преимущественно на древнихъ своихъ мѣстахъ, въ Минусинскомъ-Округѣ по степи, носящей ихъ названіе, Качинской, на лѣвмомъ берегу Енисея и влѣво Абакана по берегамъ Юуса, впадающаго въ Чулымъ. Въ Минусинскомъ-Округѣ ихъ считается 3460 душъ мужскаго и 3119 душъ женскаго пола. Въ Красноярскомъ-Округѣ Качинцевъ считается 241 душа мужскаго и 231 женскаго пола; они имѣютъ около тысячи десятинъ земли, управленіе ихъ находится въ лежащемъ зъ пяти верстахъ отъ Красноярска селеніи Торгошинѣ, гдѣ пребываетъ избираемый ими староста. Они живутъ разсѣянно, и трудно ихъ различать отъ Русскихъ, съ которыми они одинаковаго вѣроисповѣданія (51). Минусинскіе Качинцы раздѣляются на восемь родовъ: Тубинскіе, Абалтѣевскіе, Абалдокскіе, Тинскіе, Яринско-Остинскіе, Татаровскіе, Татышевскіе и Казановскіе. Управленіе ихъ сосредоточено въ Качинской Степной Думѣ. Есть преданіе, что они кочевали прежде по берегамъ Качи, у нынѣшняго Красноярска.

Сойоты сдѣлались извѣстны Русскимъ съ 1604 года, обитало въ то время при енисейскихъ порогахъ, по ихъ Ойматуру именуемыхъ, и вели свое происхожденіе отъ предводителя татарскихъ породъ—Пореня. Природное жителство они имѣли по рѣкамъ Оби и Енисею. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ихъ улусы, Русскіе, въ началѣ

семнадцатаго столѣтія ихъ покорившіе, примѣтили много древнихъ развалинъ, въ видѣ каменныхъ маяковъ, о которыхъ опытою дознано, что это могилы неизвѣстныхъ народовъ, необычайно - большими каменьями выкладенныя (52).—Отдѣльное племя ихъ, извѣстное подъ названіемъ Табунутскихъ Сойотовъ, приняло подданство Россіи въ 1689 году. Предводитель ихъ, Саинъ-Окинъ, съ товарищами и шуленгами обязался вносить ясакъ поголовно соболями, рысями, лисицами, а въ случаѣ нужды и давать подводы (53). Они обитаютъ около Тункинска и у юго-западной оконечности Байкальскаго-Озера (54), но извѣстны и около Минусинска, гдѣ много разсказываютъ про ихъ дикую жизнь въ горахъ Алтайскихъ близъ китайской границы и про ихъ удивительное искусство владѣть лукомъ.

Телеуты извѣстны русскому правительству съ 1601 года, какъ народы бѣдные и малочисленные, обитавшіе между Калмыками при самыхъ вершинахъ рѣки Оби.—Когда они, оставя, въ 1609 году, прежнія свои жилища, добровольно покорились Россіи, то имъ даны были земли близъ города Томска между татарскими улусами. Однакожь не всѣ Телеуты вышли изъ жилищъ своихъ, а большая ихъ часть осталась у Калмыковъ. Они природный свой языкъ позабыли и нынѣ говорятъ по-татарски, а въ приказныхъ дѣлахъ съ давнихъ временъ называются Бѣлыми-Калмыками (55).

Телешуты покорены въ 1609 году. Два главныя ихъ рода, подъ предводительствомъ князьковъ Манзуя и Бокоя, кочевали между рѣками Анюемъ и Чарышемъ, впадающими въ Обь; прочіе же роды ихъ бродили по рѣчкамъ Лабѣ и Кингиріи (56).

(52) Г. Лосевъ.

(53) П. С. З. Р. И. № 1336.

(54) Ж. М. Н. П. 1845 г., № 8.

(55) Г. Лосевъ.

(56) Г. Лосевъ.

(50) Все это видно изъ дѣла въ Иркутскомъ архивѣ подъ № 1899.

Прим. г. Лосева.

(51) Ж. М. Н. П. 1845 г., № 8.

Таутелеуты или *Дзюнгорскіе Двое-*
данцы раздѣляются на двѣ волости и
управляются двумя родоначальниками,
демичами. Кочуютъ они въ глуши Ал-
тайскихъ Горъ, проѣхавъ замѣчатель-
ную по высотѣ и по сѣдообразному
виду гору Эла-Кубу-Туу, за такъ на-
зываемую Студёною-Палью, — гдѣ все-
гда, даже среди лѣта, бываетъ жесто-
ко-холодно и вѣтрено, — въ вершинахъ
рѣкъ Чулышмана, Башкаўса, по лѣвой
сторонѣ Катўни, между ея вершиною
и вершиною Чўи, имѣющихъ начало
свое въ границахъ китайскихъ владѣ-
ній. Мѣстоположеніе ихъ кочевья
похоже на степь; грунтъ земли мелкій
голышникъ и дресва; зимами снѣгу
весьма-мало; лѣсъ — черемуха, таль-
никъ и низкій березникъ; травы по
рѣчкамъ достаточно; озеръ много; го-
ры кругомъ отдалены на большое про-
странство. Таутелеуты исповѣдуютъ
буддизмъ, но придерживаются и ша-
манства. Ростомъ крупны, манера-
ми горды и грубы; знаютъ грамо-
ту; земледѣіемъ не занимаются; ско-
товодство у нихъ въ хорошемъ со-
стояніи; торгъ ведутъ рогатымъ ско-
томъ и промѣниваютъ китайскіе това-
ры и серебро на европейскія издѣлія.
Судомъ и расправою вѣдаются у Ки-
тайцевъ. Число Таутелеутовъ неизвѣ-
стно; ясакъ платятъ и Китаю, въ по-
граничномъ городѣ Уляту, и Россіи —
въ Бійскѣ, въ количествѣ по оцѣнкѣ
на 200 руб. ассиг. — Языкъ ихъ состо-
итъ изъ словъ монгольскихъ и калмыч-
скихъ (57). — По другимъ извѣстіямъ, эти
идолопоклонники, хотя и составляютъ
одно племя съ Китайцами, однакожъ
говорятъ самымъ испорченнымъ ту-
рецкимъ нарѣчіемъ; дань китайскому
правительству платятъ въ городѣ Бу-
юнту, въ шести дняхъ пути отъ рус-
ской границы въ провинція Улуссу-
той (58).

Селенгинскіе Калмыки, Урянхай,
Мунгалы, Олоты или Соити (въ ста-
ринныхъ бумагахъ названія эти упо-

треблялись одно вмѣсто другаго), вы-
шедшіе изъ Китая Монголы, кочевали
съ давнихъ временъ по обимъ бере-
гамъ рѣки Селенги (59); подданство
Россіи они приняли при тайфѣ Ирки
Кантази, въ 1689 году, и выговорили
себѣ право не платить поголовнаго яса-
ка, а со всѣхъ пяти кошеуновъ, на кото-
рые они были раздѣлены, дѣлать еже-
годный сборъ по 50 лошадей, 50 бы-
ковъ и 50 барановъ (60). Но въ 1696
году «Мунгалы и иные иноземцы въ
«Даурахъ отъ Нерчинска откочевали
«за границу» (61). Въ 1757 году дѣла-
лись большія приготовленія и ожида-
ли перехода къ намъ Монголовъ въ
большихъ массахъ, по случаю быв-
шихъ въ то время въ Китаѣ волненій,
произведенныхъ Амурсаю (62).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПАРАЦЕЛЬСЪ.

Статья вторая и послѣдняя.

Разбирая, въ первой статьѣ, главное
сочиненіе Парацельса «*Paragimurum*»
(самое важное), мы объяснили приви-
маемые имъ пять родовъ вліянія и три
элементарныя начала, и изложили уче-
ніе его о пищѣ.

«*Всякая пища*», говоритъ онъ, «*кромѣ*
питательной части, превращающейся
въ тѣло, содержитъ въ себѣ часть не-
свойственныя организму и образу-
ющія остатокъ. Если этотъ остатокъ не
изгнанъ, то онъ также превращается
въ тѣло и дѣлается источникомъ бо-
лѣзней. Смотри по органу, въ который
бросится, онъ производитъ камень,
хрящъ, или образуетъ растенія, боро-
давки, проказу, впамяную. И этотъ-то

(59) Г. Лосевъ.

(60) П. С. З. Р. П. № 1329.

(61) Тамъ же, № 1342.

(62) Э. А. Т. II и XVI.

(57) Г. Гороховъ.

(58) Ж. М. Н. П. 1843 г., № 1.

Т. LIV. — Отд. VIII.

остатокъ Парацельсъ называетъ *tartarum*, *tartarum*, смертное начало... Разные роды пищи даютъ различные остатки и различные тартары: рыбная пища — глинистый, овощи — клѣтчатый, вязкій. Искусство врача состоитъ въ томъ, чтобъ предписать лекарство, которое бы, соединивъ это вредное начало съ пищей, изгнало его изъ организма... Тартаръ образуется, на-примѣръ, во рту около зубовъ. Оставаясь въ желудкѣ, онъ причиняетъ воспаленіе въ горлѣ, одышку, потому-что въ такомъ случаѣ, какъ въ пивномъ котлѣ, подымается родъ пѣны, болѣе или мѣнѣе ѣдкой. Не думайте избавиться отъ этого врага чистительными средствами: они, не достигая его, только лишаютъ большаго муковнаго и питательныхъ соковъ. По мѣрѣ того, какъ пища проникаетъ въ организмъ, образуются новые остатки, твердые или жидкіе, различнаго свойства, причиняющіе рѣзь, колики, съ тѣми же пароксизмами, какіе производитъ каменная болѣзнь...»

Довольный такимъ химическимъ объясненіемъ, Парацельсъ обращается къ своимъ противникамъ: «Какъ же моппельерскіе, салернскіе, парижскіе медики не видѣли этого тартара, который безъ очковъ въ глаза бросается?... Подкуете вы объ анатоміи, рѣжете трупы повѣшенныхъ... Дай Богъ, чтобъ взглянула вы на больныхъ!.. Передъ болѣзню вы — какъ теленокъ передъ капудиномъ... Скажите, госнода доктора, развѣ экскрементъ недостойнъ того, чтобъ вы преклонили передъ нимъ колѣно?»

Въ этой буйной выходкѣ много правды: мы и теперь еще часто забываемъ, что наблюденіе болѣзней гораздо полезнѣе трупоразыатій.

Желудокъ, по ученію Парацельса, общій слуга; но работая для всего тѣла, онъ не избавляетъ органовъ отъ частной работы. У cadaго органа есть свой желудокъ, который обязанъ переваривать пищу для себя. Отъ-того и различныхъ остатковъ образуется столько, сколько органовъ. У сердца, легкихъ, мозга — у cadaго свое осо-

бенное пищевареніе и свои изверженія. Если эти изверженія обратятся въ *tartarum*, то органъ поражается болѣзню. Кровь, хребетный мозгъ, мускулы — также имѣютъ свои остатки пищи, которые должны извергаться испариной и уриной: иначе они производятъ проказу, подагру, ломъ. «Смотрите преимущественно на урину», говоритъ Парацельсъ: «по ней узнаете экскременты всего тѣла».

И дѣйствительно, урина служитъ теперь самымъ богатымъ матеріаломъ для изслѣдованій и теорій химиковъ. Чего не говорили по этому предмету? Многіе думали, что процессъ пищеваренія такъ же легко объяснить, какъ процессъ превращенія свекловичны въ сахаръ и алкоголь.

«Когда каждая вещь», прибавляетъ Парацельсъ поэтическимъ тономъ: «находитъ то, что ей соотвѣтствуетъ, тогда образуется соединеніе законное и прочное; въ противномъ случаѣ сочетаніе не можетъ быть прочно, все колеблется въ нежѣ, какъ тростникъ на водѣ. Но какъ божественный законъ связываетъ двухъ супруговъ, даже нежелающихъ другъ друга, узами неразрывными, такъ искусство врача держитъ элементы организма въ спокойномъ состояніи.

«Если желудокъ не производитъ своихъ отравленій какъ слѣдуетъ, то и все тѣло приходитъ въ болѣзненное состояніе, потому-что онъ всюду разливаешь свой ядъ, и часто приписываютъ другому органу то, что происходитъ отъ желудка...»

«Впрочемъ, не всѣ ненормальныя вещества въ организмѣ образуются изъ остатковъ пищеваренія. Какъ въ молніи сѣра горитъ, а соль, не соединяющаяся съ ртутью, падаетъ на землю въ видѣ камня, такъ и въ живомъ тѣлѣ есть свои аэролиты.»

Сквозь эти странныя толпы терминовъ и сравненій Парацельса, нельзя однако не замѣтить мыслей довольно-остроумныхъ. Ученіе его о частныхъ пищевареніяхъ въ каждомъ органѣ и о важности экскрементовъ имѣ-

мя, великія націи подчиняютъ себѣ природу. Духъ его творенія проникъ въ Соединенные-Штаты и покрылъ всю страну городами, каналами, плантаціями,—и только забвеніе его правилъ грозитъ имъ банкротствами и тому подобными бѣдствіями. Во всѣхъ концахъ земнаго шара счастье улыбается націямъ, вѣрнымъ экономической мудрости; нищета опустошаетъ страны, уклоняющіяся отъ истиннаго пути. Адаму Смиу принадлежало великое званіе истолкователя этой мудрости массъ, этого созданія времени и генія, которое носить названіе науки экономіи. Какое бы ни былъ успѣхъ науки въ будущемъ, гласгоскій мудрецъ будетъ всегда считаться ея основателемъ, и книга его принесетъ пользу даже и тогда, когда появятся лучшія.

Нестанемъ припоминать здѣсь слишкомъ-извѣстные недостатки его труда: въ немъ нѣтъ методы, порядка, обработанности. При началѣ, чтеніе его трудно и утомительно; но если васъ не устрашитъ шероховатость его слога, предъ вами скоро воздвигнется прочное зданіе съ многочисленными атрибутами и дивными украшеніями. Смитъ иногда повторяется; нерѣдко онъ забываетъ послѣдовательность и какъ-бы блуждаетъ на удачу; но нить, его ведущая, никогда не разрывается. Онъ всегда достигаетъ своей цѣли, даже послѣ множества изворотовъ, которые, по-видимому, отвлекли его въ сторону. Кто изъ любопытства хотя на минуту послѣдуетъ за нимъ, тотъ чувствуетъ, что его увлекаетъ это строгое и упорное шествіе, подобно цилиндрамъ промышленныхъ машинъ, неудержимо увлекающихъ все тѣло, если попадетъ въ него хотя одинъ палецъ. Читая это твореніе, вы чувствуете, что поучаетесь многому; гений его бросаетъ такой яркій свѣтъ на всѣ предметы его наблюденій, что помогаетъ вамъ видѣть собственныя его заблужденія и даже указываетъ средство избавиться отъ нихъ. У него нѣтъ ничего случайнаго, условнаго, или

предполагаемаго: онъ говоритъ только о предметахъ, глубоко имъ изслѣдованныхъ, о городахъ, которые онъ видѣлъ, о фактахъ, повѣренныхъ имъ на дѣлѣ. Честность его возмутилась бы при мысли о безразсудствѣ всякаго рода, которыя должны были взволновать почву политической экономіи, при мысли о тѣхъ обманчивыхъ обѣщаніяхъ, которыя дѣлаются и принимаются въ наше время отъ его имени. Опытъ научилъ его, что человечество идетъ шагомъ болѣе медленнымъ, чѣмъ жизнь человѣка, и что нѣсколько поколѣній потребно для того, чтобы достигнуть тѣхъ результатовъ, которые можно, хотя и съ большимъ трудомъ, прояснить въ нѣсколько лѣтъ. Адамъ Смитъ былъ человѣкъ разсудочный по преимуществу, одаренный вѣрностью сужденія, твердостью разума. Можно сказать, что онъ чуждъ былъ всякой страсти, кромѣ страсти къ книгамъ, если принять въ соображеніе то высокое безпристрастіе, съ которымъ смотрѣлъ, онъ на всѣ окружающіе его предметы и преслѣдовалъ, посреди обязанностей своего званія, поприще своихъ продолжительныхъ и серьезныхъ наукъ.

Всѣ современники, пользовавшіеся близкимъ его знакомствомъ, говорятъ, что онъ былъ кротокъ, остроуменъ и веселъ въ обществѣ, и часто застѣнчивъ и неловокъ въ присутствіи незнакомыхъ ему людей. Разсказывали тысячу забавныхъ анекдотовъ о его разсѣянности, но никто и никогда не жаловался на его характеръ; не смотря на волненія литературной жизни въ XVIII вѣкѣ, онъ всегда оставался вѣренъ друзьямъ своимъ нѣкоторые изъ его біографовъ говорятъ, что онъ былъ въ постоянной перепискѣ съ Тюрго, но отъ нея не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Достоверно только, что въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ заботливо слѣдилъ за ходомъ школы французскихъ экономистовъ и что изъ Франціи заимствовалъ часть вдохновеній, слетавшихъ къ нему въ Киркальди. Смитъ принадлежитъ къ семейству

энциклопедистовъ и физіократовъ; философія его вышла изъ той школы, представителемъ которой въ Англіи былъ Юмъ; но политическая экзномія его принадлежитъ ему исключительно. Въ настоящее время, она переведена на всѣ европейскіе языки и преподается на всѣхъ каедряхъ; она сдѣлалась необходимою путеводительницею историковъ и государственныхъ людей, и въ ней-то надо изучать фивіономію мыслителя, который не оставилъ потомкамъ даже портрета своего (*).

РАЗСКАЗЫ О СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРИСКАХЪ.

Статья четвертая.

(Окончаніе.)

Буряты или Братскіе Люди. Покореніе Бурятъ заключается въ предѣлахъ Иркутской-Губерніи по всѣмъ ея округамъ, кромѣ Киренскаго, и занимаетъ пространство между рѣками Агой, принадлежащей къ бассейну Амұра, и Окдой, входящей въ систему водъ енисейскихъ, отъ границы Китая до верховьевъ Лены. Бурятовъ считается болѣе 150 тысячъ человекъ обоего пола. По-сю-сторону Байкала Буряты держатся еще шаманства; по ту сторону озера — они исповѣдуютъ буддизмъ. Буряты раздѣляются на многіе роды и управляются патриархальною властію шуленгъ, тайшей или таджей и зайсановъ; во цвѣтомъ всего бурятскаго народа считаются

такъ-называемы, Хоринцы и Цонгды, или сортольскіе или селенгинскіе Буряты, живущіе въ самыхъ южныхъ предѣлахъ Иркутской-Губерніи, въ округахъ Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ.

Буряты въ первый разъ сдѣлались извѣстны Русскимъ въ 1612 году, когда Тунгусы заявили о тѣхъ ихъ родахъ, которые кочевали по рѣкамъ Лены и Ангарѣ. Въ 1622 году, енисейскій воевода, Яковъ Хрипоновъ, увѣдомился, что Буряты, кочевавшіе по рѣкѣ Каны и намъ еще неподвластные, намѣревались учинить нападеніе на ясачныхъ Тунгусовъ. Желая обратить ихъ въ подданство Россіи, онъ послалъ къ нимъ нарочнаго казака, по примѣрной жизни своей прозваннаго Постникомъ, которому и наказалъ уговорить ихъ ко взносу ясака разными подарками, снабдить ихъ царскими милостями и, чтобъ вѣрнѣе достигнуть цѣли, угостить ихъ хлѣбнымъ виномъ. Напитокъ этотъ весьма понравился Бурятамъ и возбудилъ въ нихъ желаніе признать себя покоренными; но ясакъ платить они не согласились (63). Къ половинѣ, однакожъ, XVII столѣтія, всѣ Буряты были уже объясачены.

Изъ селенгинскихъ Бурятъ составлены четыре казачьи полка, которые, вмѣстѣ съ русскими казаками, охраняютъ границы наши съ Китаемъ и служатъ при таможи на Кяхтѣ.

Юрты Бурятовъ разбросаны по степямъ мелкими, безпорядочными группами и примыкаютъ обыкновенно къ рѣкѣ или озеру. Съ Русскими они очень-уживчивы, сначала весьма-робки; но, видя, что съ ними обходятся ласково — стараются всѣмъ угодить новому знакомому. Къ правительству нашему они питаютъ особенное благоговѣніе: такъ, узнавъ въ 1815 году, что у насъ была война съ Французомъ и что Москва сожжена неприятелемъ, они поднялись и всѣ хотѣли идти на враговъ Россіи; ихъ съ трудомъ отговори-

(*) Послѣ него остался медальонъ въ профиль, сдѣланный Тисси, и силуэтъ, нарисованный Кэ въ 1790 году, т. е. въ послѣдній годъ его жизни.

(63) Г. Лосевъ.

ли отъ этого намѣренія, объявивъ, что миръ уже заключенъ. Въ недавнее время, они явили новый примѣръ своей преданности извѣлениемъ въ реноподанническихъ сѣтованій о смерти великой княгини Александры Николаевны.

Физиономія Бурятовъ—общемонгольская, слышущая въ народѣ подъ именемъ камыцкой: лица смуглыя, съ высунувшимися скулами; глаза прорѣзные, черные; зубы бѣлые, какъ слоновою кость; уши оттопырившіяся. Роста они средняго, но широки, плотны и плечисты. Женщины гораздо красивѣе мужчинъ; но онѣ чрезвычайно скоро старѣются. Жена—подвластная работница мужа. Буряты никогда не жалуются: они только трутся носами и довольствуются обнюхиваніемъ предметовъ своей любви.

Мужчины одѣваются въ дыгыль, то есть тулупъ: это почти единственная ихъ одежда. Женщины, сверхъ дыгыля, надѣваютъ безрукавый родъ шугая изъ шелковой матеріи со сборками назади. Лѣтомъ дыгыль спускается съ плечъ и обнажаетъ половинкорпуса; только богатые носятъ терлыкъ, родъ халата. Рубахи рѣдко употребляются; если ихъ и носятъ, то до тѣхъ поръ, пока онѣ совершенно не истлѣютъ на плечахъ. Буряты вообще неопрятны, рѣдко моются, и отъ того тѣло ихъ имѣетъ видъ вороненой мѣди, испещренной темными полосами грязи. — Кушанье подается въ грязныхъ корытцахъ; занявшись ѣдой, Буряты роется въ пищу руками; вилами, на манеръ китайскихъ палочекъ, богатые щеголяютъ передъ русскими чиновниками. Любятъ араки, то есть кислое вино, перегоняемое изъ молока, и остающійся послѣ перегонки его въ котлѣ сушеный творогъ или арду; охотники до кирпичнаго чая замѣняютъ его иногда настоемъ изъ разныхъ полевыхъ кореньевъ и даже изъ болони съ гнилой березы. — Буряты ѣдятъ конину, иногда употребляютъ и падаль, а полевыхъ мышей считаютъ за отличное лакомство.

Буряты нрава тихаго и спокойнаго, когда не пьяны; услужливы и терпеливы; храбры съ медвѣдями и ужасные трусы передъ русскими забіяками; но вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбивы, обидчивы, скрытны и мстительны. Кромѣ воровства, мошенничества и мелкихъ плутней, они рѣдко попадаютъ подъ судъ, и очень наивны въ отбѣтахъ по преступленіямъ, великости которыхъ они не постигаютъ. Такъ одинъ изъ пойманныхъ съ фальшивой ассигнаціей, весьма-грубо поддѣланной, съ божбой увѣрялъ всѣхъ въ своей невинности: «какая же она фальшивая, если я самъ ее слѣзаль!»

Говорятъ, что Буряты, поклонники буддизма, вѣрятъ своимъ ученымъ ламамъ на слово, не понимая отвлеченныхъ началъ своей религіи и не разумѣя тибетскихъ и санскритскихъ словъ священныхъ своихъ книгъ; при богослуженіи они довольствуются пѣніемъ духовныхъ лицъ и звукомъ мѣдныхъ тазовъ, котловъ, бубенъ, трубъ и разныхъ погремушекъ.

У нерчинскихъ Бурятъ двѣ кумирни: одна каменная въ 180 верстахъ отъ Нерчинска на юго-западъ, весьма-красиво выстроенная въ 1808 году и богато-украшенная; другая деревянная, по рѣчкѣ Цугуль, впадающей въ Оновь (64). Здѣсь каждое лѣто совершается весьма-интересная церемонія въ честь Шакамунія, управляющаго міромъ, — при чемъ ламы возятъ вокругъ этой кумирни обитаго зеленымъ бархатомъ деревяннаго коня въ полной сбруѣ, съ сидящимъ на немъ рѣзнымъ изображеніемъ пятаго будды Майдари, или Майтрея, который долженъ въ послѣдствіи воплотиться и замѣнить собою Шакамунія.

Буряты, зная, что десять милліоновъ разъ повторенная молитва омманипадмэ-хумъ вознесетъ его на высшую степень нравственнаго совершенства—отъ лѣни и неувѣренности успѣетъ ли онъ, во всю жизнь, самъ проговорить эти таинственные слова завѣтное чи-

сло разъ, вѣшаетъ надъ отверстіемъ юрты на тоненькой веревочкѣ колесо, отъ движенія воздуха безпрестанно вертящееся, и вѣрить, что каждое кругообращеніе его равносильно устной молитвѣ.

Шаманство есть обоготвореніе силъ и явленій видимой природы, представляемыхъ и чтимыхъ у Бурятъ подъ именемъ онгоновъ. Высокая гора, необыкновенной формы утесъ, бѣлка съ бѣлою на спинѣ полоскою, — однимъ словомъ, все, что по своей колоссальности или по уродливости можетъ броситься въ глаза, можетъ быть символомъ онгона.

Изображенія онгоновъ развѣшиваются въ юртахъ на шуркахъ; иногда ихъ замѣняютъ куклы, сшитыя изъ лоскутьевъ, или даже простая связка лучины, одѣтая въ какую-нибудь овчинку. Изображенія эти чествуютъ тѣмъ, что ихъ опрыскиваютъ виномъ, или молокомъ, а отъ избытка усердія мажутъ масломъ и сметаню. Въ важныхъ случаяхъ закаляютъ животныхъ, вздѣваютъ ихъ на высокіе шесты и оставляютъ въ такомъ положеніи на долгое время. Но за то, если кумирь, которому поклонялись, не выполнитъ мольбы просящаго, Бурятъ отмстятъ ему разными знаками презрѣнія, бранью и даже боями.

Шаманы и шаманки одѣваются въ странную и особаго вида и покроя одежду, обшитую въ разныхъ мѣстахъ длинными разноцвѣтными конскими волосами. Они съ бубномъ въ рукахъ и другими развѣшанными вокругъ тѣла пбрякушками, въ ночное время скачутъ черезъ огонь, кривляются, кричать, неистовствуютъ до изнеможенія, падаютъ на землю и въ такомъ положеніи прорицаютъ будущее (65).

Буряты имѣютъ свою грамоту и воспитываютъ дѣтей своихъ въ Агинскомъ, Селенгинскомъ и Балаганскомъ Приходскихъ Училищахъ, поддержи-

ваемыхъ усердными ихъ приношеніями (66).

Въ настоящее время, Буряты-буддисты съ нетерпѣвиемъ ожидаютъ совершеннаго будущаго своего хутухты, то-есть верховнаго жреца, котораго нынче у нихъ нѣтъ. Юноша этотъ, какъ говорятъ, считаеый не простымъ смертнымъ, а хубильганомъ, въ тѣлѣ котораго воплотилась святая душа, родился въ тридцатыхъ годахъ въ Нерчинскомъ-Округѣ, отъ одной молодой вдовы буддистки. Онъ въ прошломъ году былъ еще живъ и занимался изученіемъ священныхъ книгъ.

Тунгусы, племя манжурское, извѣстны нашему правительству съ начала семнадцатаго столѣтія, когда нѣсколько родовъ этого племени, бродившихъ по рѣкѣ Ангарѣ, получившей отъ нихъ наименованіе Тунгуски, было обложено ясакомъ или натуральною податью мѣхами бѣлокъ, соболей и другихъ пушныхъ звѣрей, которыми изобиловали непроходимыя дебри Сибири. Многіе изъ непокорныхъ въ то же время перешли въ Китай. Единственные охранители и единственные русскіе жители этого отдаленнаго края — казаки, неупускавшіе случая наполнять и свои сундуки дорогими мѣхами, требовали у бѣдныхъ дикарей усиленнаго ясака.

Испуганные этимъ требованіемъ Тунгусы послѣдовали примѣру своихъ единоплеменниковъ: въ 1615 году они откочевали къ предѣламъ Небесной Имперіи, однакожь не всѣ, а только половина.

Между-тѣмъ, казаки, подозрѣвая, и весьма-основательно, оставшіяся племена въ соучастіи съ откочевавшими, усилили бдительность за предателями; но строгій сборъ ясака, взисканія и наказанія съ неповинующихся, а можетъ-быть и слишкомъ-сильныя мѣры, принятыя мѣстными властями для пополненія мѣховой казны — имѣли

(65) Ж. М. В. Д. 1843, № 7 и Э. Л. Т. VII.

(66) Отчеты господина министра народнаго просвѣщенія 1841 — 1846 годы.

сѣдствіемъ то, что въ 1618 году на рѣкѣ Большой-Тунгускѣ осталось всего на-все два человекѣ Тунгусовъ — всѣ остальные разбрелись въ неизвѣстные мѣста.

Около того же времени другія тунгусскія племена, кочевавшія по Верхней-Тунгускѣ, будучи тѣснимы и разоряемы остатками поколѣніями Ариновъ, Катовъ, Асановъ и Койбаловъ, отъ страха и безпрестанныхъ поражений равнымъ-образомъ откочевали въ неизвѣстные мѣста.

Прочія племена этого народа, занимавшія мѣста къ востоку отъ Енисея и къ югу отъ рѣки Ангары, не признавали себя въ то время подвластными Россіи: Вилюйскіе Тунгусы добровольно покорились въ 1621 году, а Канскіе въ 1622 году: съ нихъ тогда получено въ подать девяносто-четыре соболя, да князецъ ихъ Тырей, съ своего семейства, состоявшаго изъ четырехъ человекъ, внесъ тридцать соболей, одну соболью шубу и пару собольихъ подволокъ для лыжъ. Въ 1623 году, кочевавшій по Ангарѣ, близъ аннинскаго порога, тунгусскій князецъ Куюпки отдалъ въ исякъ двадцать соболей, двѣ шубы соболя, одиннадцать собольихъ доскутовъ и по одной соболью и одной бобровой подволѣ къ лыжамъ. Въ 1637 году, казачій десятникъ Елисей Буза обложилъ ясакомъ олекминскихъ Тунгусовъ. Общее же подчиненіе всѣхъ Тунгусовъ Русскому правительству и наложеніе на нихъ постоянного ясака, по десяти соболей съ каждаго взрослого, надобно отнести къ половинѣ семнадцатаго столѣтія.

1667 годъ ознаменованъ переходомъ на сторону Россіи и принятіемъ ей подданства тунгусскаго князя Гантимура, съ многочисленными подвластными ему Тунгусами.

Гантимуръ, родомъ Манжуръ, былъ во время пребыванія своего въ Китаѣ четвертымъ мандариномъ (67) при

богдоханѣ и въ 1667 году былъ посланъ съ войскомъ въ предѣлы русскаго царства для воспрепятствованія русскому войству распространять предѣлы отечества въ благословенныхъ долинахъ рѣки Амура. Гантимуръ шелъ въ нашъ Комарскій-Острогъ, стоявшій на Амурѣ, въ шестистахъ верстахъ отъ соединенія рѣкъ Шилки и Аргуни. Онъ встрѣтился съ русскимъ войскомъ, дружелюбно съ нимъ обошелся, сраженія не далъ и направилъ путь къ Нерчинску, объявивъ о желаніи своемъ принять подданство благаго царя, вмѣстѣ съ Тунгусами дугамоцкаго рода, всего въ числѣ пяти-сотъ душъ.

Не смотря на посланную отъ богдохана погоню, Гантимуръ благополучно достигъ Нерчинска, объявилъ себя данникомъ Россіи и завязъ съ своими людьми мѣста, отведенныя ему для кочеванья, именно около Аргунскаго-Острога и при рѣкѣ Ононѣ, сдѣлавъ вызовъ оставшимся въ Китаѣ своимъ единоплеменникамъ переселиться въ Россію.

Прежній повелитель Гантимура, не успѣвъ возвратитъ его назадъ силою, прибѣгъ къ другимъ мѣрамъ: онъ прислалъ къ Гантимуру подарки, одежду воинскую, боярскій поясъ, оружіе и серебро и золото на жалованье, поручивъ посланному съ ними мандарину уговоритъ непокорнаго подданнаго къ возвращенію въ отечество. Но когда Гантимуръ, не обративъ вниманія на эти мѣры кротости, рѣшился съ оружіемъ въ рукахъ помогать Русскимъ противъ нападеній на нихъ Китайцевъ,

ванья по 1200 ланъ серебра и по 4 коробки золота. По переводу иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ Новоселова — лана имѣеть 9 золотниковъ, а по переводу Игумнова содержитъ въ себѣ $8\frac{1}{2}$ золотниковъ. Гантимуръ же получалъ каждую лану около 50 золотниковъ чистаго серебра: такъ пишеть въ 1794 году въ сочиненномъ обзорѣніи Монголіи тотъ же 8-го класса переводчикъ Василій Игумновъ.—

Прим. г. Лосева.

(67) Гантимуръ получалъ отъ китайскаго правительства ежегоднаго жало-

— тогда богдоханъ сталъ письменно требовать высылки его отъ русскаго правительства слѣдующею грамматою:

«Богдойской Славной Великой Земли
«Богдойской Великій и Сильный Царь,
«Богдой-Ханъ, царскій свой указъ
«послалъ въ Албазенъ къ приказному
«правителю.

«Я во всей вселенной великъ и сла-
«венъ; до всякихъ людей добръ и ми-
«лостивъ, какъ отецъ къ дѣтямъ: на
«своей землѣ живу смирно и не трогаю
«никого. А вы пришли на сію землю,
«ясачныхъ моихъ людей изгоняете,
«у промышленниковъ соборей и запа-
«сы отнимаете, Гантимура съ товари-
«щами принали и на моемъ рубежѣ
«много дѣлаете худа.

«Почему много лѣтъ я богдойскій
«царь на васъ посылаю большое вой-
«ско мое—во убить и погубить жалѣю!
«Только дурныя дѣла откиньте, подите
«назадъ отъ моего владѣнія и отдайте
«моего Гантимура, который къ вамъ
«сдался. О чемъ я къ вамъ писалъ въ
«разныя времена, да и Николаю под-
«твердительно наказывалъ, чтобъ вы
«всѣхъ людей, къ вамъ пришедшихъ,
«назадъ отдали. А вы, не внимая тому,
«хуже прежняго стали поступать; гра-
«бежомъ и воровствомъ ясачныхъ лю-
«дей разоряете, Тунгусовъ имаете и
«огнемъ жжете; въ прошедшемъ году
«моихъ ясачныхъ народовъ Тунгусовъ
«и Дауровъ на соболиномъ промыслѣ
«Одиргія съ товарищами коварно зама-
«нили въ избу свою и оную съ ними со-
«жгли.

«Но какъ вы уймá не знаете, то я
«послалъ своего воеводу съ великимъ
«числомъ войска, состоящаго изъ рат-
«ныхъ людей, и повелѣлъ по рѣкамъ
«Амуру, Зеѣ и другимъ, въ нихъ вте-
«кающимъ, строить города, чтобы
«не дать вамъ по прежнему вольничать
«и буйствовать, а гдѣ васъ найдутъ —
«тутъ бить и имать.

«Но теперь я призываю васъ доб-
«рымъ порядкомъ подлѣ мою державу:
«буду награждать и жаловать. Ваши
«русскіе люди въ прошломъ году по
«Амуру рѣкѣ внизъ перешедшіе на

«Быструю,—встрѣтятся съ моимъ вой-
«скомъ, подлѣ державу мою сдались
«тридцать-шесть человекъ, изъ кото-
«рыхъ многіе пожалованы и ни одинъ
«не наказанъ. Изъ тѣхъ людей, двухъ
«—Михайлу и Ивана, наградилъ, по-
«жаловалъ и назадъ къ вамъ, для вру-
«ченія сего моего царскаго указа на
«манжурскомъ и мунгалскомъ язы-
«кахъ съ російскимъ переводомъ, те-
«перь послалъ. Да будетъ вамъ про то
«извѣстно. А отвѣтъ на оный указъ
«вы нынѣ же съ сими людьми письмен-
«но пришлите и прійдите сами или
«изберите посла, котораго содержать
«будутъ въ городѣ Ринедѣ.

«Не бойтесь ничего!

«Да будетъ вѣдомо албазинскому
«приказному управителю.

«Царствія моего 22 года (1670 октяб-
«ря 9).»

При этой граматѣ приложено было
слѣдующее письмо:

По монгольски.

Онъ сантъ Джиръ
Болтогой.
Алтанъ Ханузари-
ликъ бичикъ эки
ноѣнду окбо.

Эки цаганъ канду
ильчи ильбиху бил
кулуй алгитей байей.
Болзой апчи Ире-
гези коюръ ильчи
хубилей кююръ ку-
тучи тей.

Уланъ шусу укъ
имеръ кулгуръ.

Чемылеръ торго-
ныге дунюнь.

Арбакъкоюръ купъ
коршикъ улатай.

По русски.

Да будемъ жить въ
совѣтѣ и любви.

Золотога царя за-
конъ, писанный боль-
шому воеводѣ, от-
дать Бѣлому Царю.

Послы посланы и
когда еще оныхъ по-
слать.

По Унгу (въ Ба-
лаганскѣ) послать
двухъ человекъ съ
двумя поварами:

имъ пишу и под-
воды съ проводника-
ми давать.

Состоять съ тобою
въ мирѣ и согласіи.

20 человекамъ ука-
зано 20 подводъ (68).

(68) Г. Лосевъ. Свидѣтельству его о времени присылки этой грамматы можно дать вѣру тѣмъ болѣе, что г. Лосевъ пользовался всѣми официальными документами, хранившимися въ Иркутскомъ Архивѣ. Другіе же относятся эту граммату къ 1684 году и приписываютъ ее богдохану *Кожин*, Касію или Кханъ-Си, на томъ основаніи, что упоминаемый въ ней *Николай* долженъ быть не кто иной какъ Грекъ *Николай Спафарій*, проѣхавшій черезъ Иркутскъ въ 1676 году въ Китай съ любви-

Въ другомъ, попавшемся мнѣ отрывкѣ этой же грамматы неизвѣстный мнѣ переводчикъ читаетъ и переводить эту приписку такъ:

Онъ сантъ Амуръ болтогой.

Алтанъ Хану Зарликъ Бичики Еке Ноёнду Окбо Экы цаганъ Ханду ильчи ильбиху биле, кудуй илгитей болой.

Большой ащичи Ирегежи биле Хоюръ ильчи, ильчи ху билей куюръ кутучитей. Уланъ шусу укъ ильберъ кугуръ.

Чемылеръ торгоныге дурюнь.

Арбакъ ко юръ кунъ куртуши улайтай.

Будьте здравы и благополучны.

Золотога Царя письменное повелѣніе большому воеводѣ, — отдано великому Бѣлому Царю: отправить ли послать, сколько?

По полученіи согласія приказано двумъ посланнымъ съ двумя провожатными возвратиться: давать подводы и благополучно доставить.

Состоять съ тобою въ мирѣ и согласіи.

12-ти человекамъ давать подводы съ проводниками.

Въ послѣдствіи времени, этотъ Гантимуръ, принявъ святое крещеніе, при которомъ и наречено ему имя Петръ, просилъ дозволенія представиться высочайшему двору. Получивъ на это разрѣшеніе, онъ поѣхалъ въ Москву, вмѣстѣ съ сыномъ Павломъ и внукомъ Чекулаемъ, но въ дорогѣ занемогъ и въ городѣ Нарымѣ, Томской-Губерніи, умеръ. Павелъ же Гантимуръ и сынъ его Чекулай пріѣхали въ Москву, представлялись царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и получили по четыре аршина сукна кармазиннаго и по восьми аршинъ камки на платья; кромѣ денежнаго жалованья Павлу Гантимуръ (69).

Въ указѣ нерчинскому воеводѣ 1 февраля 1701 года, новокрещенъ Павелъ Гантимуръ титулованъ княземъ и московскимъ дворяниномъ. Этимъ же указомъ нерчинскому воеводѣ вмѣ-

нено между прочимъ въ обязанность, чтобы князя Гантимура съ родственниками его беречь, никакого худа имъ не чинить и грубостей не дѣлать, чтобы они въ китайскую сторону не ушли (70).

Тунгусовъ рода князя Гантимура считается нынѣ до 10,000 душъ. Они занимаютъ мѣста по рѣкамъ Онбуну, Ивгодѣ, Нёрчѣ, Тургѣ и Килавгуну и живутъ въ урульгинскомъ селеніи, гдѣ находятся ихъ степная дума и приходское училище (71). Они управляются наследственнымъ тайшей-княземъ Гантимуромъ.

Къ сѣверу, Тунгусы кочуютъ: одиннадцать родовъ по берегамъ Туя, Курейки, Хатайки, Рыбной и по берегамъ Енисея въ Енисейскомъ-Округѣ; десять родовъ между Верхнею и Нижнею Тунгусками; четыре рода около Анцыферовской-Волости и Маковской-Пристани по Кети (72). — Нѣсколько родовъ ихъ кочуютъ въ Якутской-Области, именно—кангаласкіе, кочующіе по Алдану и впадающей въ нее рѣчкѣ Темтену; по Амүру, Джѣѣ, Шилкѣ и Аргүни. Первые собираются для взноса ясака въ ноябрѣ и декабрѣ, или на рѣчку Темтѣнъ, или на рѣчку Оюнь-Чѣмпо; послѣдніе въ Горбицу, недалеко отъ соединенія Шилки и Аргуни; Майскіе, кочующіе по Маѣ, Маймакану и Бурѣѣ, собираются на урочище Алачакъ. Первый сборъ ясака бываетъ въ ноябрѣ, второй въ мартѣ и апрѣлѣ; самое же большое собраніе бываетъ въ маѣ мѣсяцѣ на рѣчкѣ Нельканѣ, впадающей въ Маю. Сюда пріѣзжаютъ охотскіе Тунгусы.—Учурскіе, кочующіе по Аггамѣ, впадающей въ Учуръ, по Джѣѣ и Уди; сборище ихъ бываетъ въ маѣ на Учурѣ.—Ульскіе, кочующіе по рѣкамъ Уди, Силимжѣ, Бурѣѣ, Бураканѣ, Тордонѣ, Амалѣ и Аргүни; они собираются въ Ульское въ апрѣлѣ, іюнѣ и іюль мѣсяцахъ. Есть еще тунгусы верхоянскіе, вилюйскіе и

тельною грамматою царя Θεодора Алексѣевича. — Въ 1688 году Албазинъ былъ осажденъ Китайцами, а въ 1689 году — срытъ, въ слѣдствіе мирнаго съ ними трактата. (П. С. З. Р. И. № 1346).

(69) Ж. М. В. Д. 1844 г. № 1.

(70) П. С. З. Р. И. № 1835.

(71) Ж. М. В. Д. 1844 г. № 1.

(72) Ж. М. В. Д. 1845 г. № 8.

другіе. Сами себя они называютъ Эвен-ки (73) или Овены.

Часть Тунгусовъ, и то однихъ только нерчинскихъ, исповѣдуетъ христіанскую религію; они осѣдлы, занимаются хлѣбопашествомъ и приравниваются въ одеждѣ и въ образѣ жизни къ быту русскихъ крестьянъ, отличаясь только родою неопрятностью. Есть цѣлая деревня Суханова, населенная одними крещеными Тунгусами и заимствовавшая названіе свое отъ фамиліи просвѣтителя Тунгусовъ, священника Суханова. Другая часть Тунгусовъ — поклонники буддизма; они преимущественно пограничные казаки и ведутъ болѣе кочевой образъ жизни. Вся остальная масса этого народа орочны, бродячіе: они всю жизнь свою проводятъ въ дикихъ лѣсахъ, тайгахъ, занимаются *зепрованьемъ* и *блжованьемъ*, то-есть бьютъ разныхъ звѣрей и бѣлокъ, и придерживаются шаманства.

Бродячихъ Тунгусовъ весьма-легко встрѣтить въ тѣхъ мѣстахъ сѣверной части Енисейскаго Округа, гдѣ расположены пріиски золотопромышленниковъ. Начиная съ Удерѣя, они продолжаютъ попадаться по Мамону, Пѣнченгѣ, по Питу, Вангаши, около Калами, Севагликна и Актюлика; по Оллонокну, впадающему въ Енашимо, по Теѣ, Нойбѣ, тремъ Ненчамо, Леденшано, Ноготѣ, Тису, Гаревкѣ и Чапѣ, но небольшими партіями, или лучше сказать отдѣльными семьями, въ мѣстахъ, опредѣленныхъ каждому однажды на цѣлое лѣто для звѣринаго промысла проричаніями шамановъ. — По всей вѣроятности, имъ однимъ извѣстны тайны богатства какъ той неизмѣримой и неизслѣдованной еще части енисейской тайги, которая заключена въ треугольникѣ, образуемомъ устьемъ рѣки Татарки, впадающей въ Ангару съ правой стороны, вершинами рѣкъ Чиримбы, Гурахты и Теи и устьемъ рѣки Тиса, впадающаго съ правой стороны въ рѣку Енисей, такъ и другихъ восточныхъ предѣловъ, куда еще

не проникали золотопромышленники, или которыя они прошли незамѣтно, безъ исследованийъ.

Бродячіе Тунгусы совершенные дикари. Не смотря на то, что въ-теченіе двухъ съ половиною вѣковъ успѣли они приглядѣться къ русскимъ селеніямъ и могли понять всѣ выгоды осѣдлой жизни, заимствуясь отъ русскихъ крестьянъ необходимыми для поддержанія жизни предметами, — они не рѣшаются оставить свою неприютную, скитальческую жизнь и предпочитаютъ приволье въ лѣсахъ — мирнымъ селеніямъ. Олень, винтовка, табакъ, вино и ромъ — вотъ тѣ предметы, которые одни доставляютъ имъ всѣ ихъ наслажденія. Вину ихъ научили въ прежнія времена купцы, торговавшіе пушнымъ товаромъ, покупая у нихъ дорогаго соболя за полштофа водки, а рому... надобно признаться, что вкусъ къ рому — есть произведеніе новѣйшихъ временъ, именно тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда наши золотопромышленники приступили къ поискамъ въ сѣверной части Енисейскаго Округа и въ *вожакѣ* себя по неизвѣстнымъ и *опаснымъ* мѣстамъ нанимали Тунгусовъ, заманивая ихъ къ своей кочевой, но все-таки нѣсколько-регулярной жизни и пріохачивая разговариваться про извѣстныя однимъ имъ золотоносныя рѣчки — дорогю платою, до ста и болѣе рублей серебромъ за лѣто, и восхитительнымъ дѣйствіемъ опьяняющаго зелья.

Бродячій Тунгусъ золотопромышленнаго округа знакомъ съ броднями, чирками, рукавицами, азямомъ, даже съ сюртуками и фраками яркихъ цвѣтовъ, которые онъ напяливаетъ на себя, не разбирая, въ пору ли ему прійдется щеголеватая одежда, данная ему въ награду за хорошую службу или за порядочное открытіе. Волосъ Тунгусъ не стрижетъ: онъ даетъ имъ полную свободу роста во всѣ четыре стороны и не неводитъ ихъ никакимъ приглаживаніемъ. Отъ-этого волосы Тунгуса занимаютъ средину между конской

гривой и свиной щетиной; гребень имъ не извѣстенъ, и если бы по какой-нибудь оказіи нужно было Тунгусу расчесать голову, то можно держать какое угодно парі, что только одно орудіе на это способно—железные грабли.

Тунгусъ имѣетъ воспримчивый умъ, храбръ и рѣшителенъ; гордъ и неуступчивъ съ тѣми, кто хочетъ имъ за деньги повелѣвать, но любить, чтобъ за нимъ ухаживали, дѣлали ему почетъ и исполняли его прихоти, особенно когда замѣтитъ, что онъ сталъ человѣкомъ нужнымъ. Вообще онъ неугомимъ и дѣятеленъ въ своемъ кругу, когда не пьянъ и лишенъ возможности добыть себѣ вина. Лѣтомъ пѣшкомъ, зимою на лыжахъ онъ выходитъ столько, сколько не пройти ни лошади, ни собакамъ. На лыжахъ онъ быстро бѣжитъ по навалившему на нѣсколько аршинъ мягкому снѣгу, не разбирая того, идетъ ли онъ по равнинѣ или поднимается въ гору; какъ олень мчится онъ подъ гору, легко управляя ногами между разросшимися деревьями и чуть-чуть только упираясь тоненькою палочкою, съ маленькимъ колесомъ близъ ея оконечности, для лучшаго упора, въ рыхлый снѣгъ. Тунгусъ не разбираетъ дороги: каждый ручеекъ, каждое урочище, каждое дерево ему знакомы; онъ идетъ прямо по тому направленію, куда ему путь лежитъ, обходитъ тропинки, перебѣгаетъ болота; глухія трущобы и неприступные утесы ему ничего: у него та *палитой тардк*, гдѣ *тва алень проидль*. Во время переходовъ семьями—женщины ѣдутъ на оленяхъ, мужчины идутъ пѣшкомъ; но за то на привалахъ женщины, совершенныя рабыни своихъ мужей, исправляютъ всѣ работы. На привалахъ, Тунгусъ укрывается отъ непогоды въ маленькихъ шалашахъ, гдѣ одному человѣку съ трудомъ можно протянуться во всю длину свою. Эти шалашы, передъ которыми наши собачьи конуры должны казаться крѣпкими строениями Тунгусовъ; ихъ дѣлаютъ они изъ тонкихъ жердей и покрываютъ сверху

берестю. По большимъ рѣкамъ и по рѣчкамъ, недоступнымъ плаванію въ нашихъ судахъ, Тунгусъ безстрашно спускается внизъ по теченію въ берестяныхъ переносныхъ лодкахъ и управляетъ ими, между подводныхъ камней, водоворотовъ и въ порогахъ, длиннымъ шестомъ, замѣняющимъ у Тунгуса и багоръ и вѣсла.

Обоняніе и зрѣніе Тунгуса изощрены до невѣроятности: онъ чувствуетъ присутствіе или приближеніе звѣря; по слѣдамъ на травѣ можетъ узнать, кто ихъ оставилъ, изъ винтовки за нѣсколько сотъ шаговъ цѣлитъ бѣлкѣ прямо въ голову, чтобъ не испортить мѣха, или бьетъ пулею рыбу, быстро плывущую въ рѣкѣ; стрѣлой онъ пробиваетъ заранѣе-пущенную стрѣлу по желанію — въ тупой конецъ или въ середину; или потерявъ одну стрѣлу, промахнувшись ею въ звѣрка, онъ достанетъ ее непременно, пустивъ другую по тому же направленію, съ одинаковымъ, хорошо-разсчитаннымъ, напряженіемъ силъ.

Тунгусы боятся, чтуть, и слушаютъ своихъ шамановъ, потому-что тѣ кажутся имъ существами особенными и всемогущими. Шаманы лечатъ больныхъ, открываютъ пропажи, гадаютъ о мѣстахъ, обилующихъ пушинымъ звѣремъ, и, въ слѣдствіе своихъ открытій, заранѣе раздѣляютъ на дѣлое лѣто всю тайгу на округи, смотря по числу семействъ, изъ которыхъ каждое не выходитъ уже изъ круга опредѣленнаго ему для охоты мѣста; наконецъ, шаманы прорицаютъ имъ о счастливомъ или неудачномъ уловѣ соболей и бѣлокъ. По странному стеченію обстоятельствъ, пророчества эти непременно сбываются; по-крайней мѣрѣ Тунгусы въ этомъ совершенно увѣрены.

Больныхъ опасно болѣзнію Тунгусы боятся, бросаютъ ихъ въ лѣсу безъ всякаго надзора съ небольшимъ запасомъ пищи и бѣгутъ отъ этого мѣста дальше. Болѣзніи эти немногочисленны, но убійственны при вліяніи суроваго климата, всегдашней сырости и отсут-

ствія врачебной помощи; болѣзни эти цынга, оспа и еще одна, всесвѣтная— губящія бродящихъ.

У Тунгусовъ плоскій носъ, узкіе глаза, скулистое лицо и дугообразныя брови; волосы на усахъ и на бородѣ очень рѣдкіе. Татуировку или накальваніе лицъ узорами Тунгусы нынче бросаютъ; кромѣ тѣхъ немногихъ избранныхъ которыхъ они считаютъ за своихъ князцовъ (74), *шитыхъ рождъ*, какъ Тунгусовъ называютъ русскіе крестьяне, трудно встрѣтить.

Тунгусы большіе охотники до хмѣльнаго, и если нужда заставитъ Русскаго угостить одного Тунгуса, тотъ непременно наведетъ съ собой цѣлый десятокъ своихъ родовичей и требуетъ у *доброа челоука*, какъ они обыкновенно зовутъ нашихъ, вина на всю братію. Прекрасный полъ въ этомъ отношеніи нисколько не уступаетъ своимъ повелителямъ.

Во времена Екатерины-Великой, нерчинскій воевода самовольно формировавъ изъ нерчинскихъ Тунгусовъ гусарскіе полки, дарилъ лучшихъ у нихъ людей вышитыми мундирами и этими подарками чуть было не возбудилъ Тунгусовъ къ возстанію. По произведенному въ то время изслѣдованію, открылось, что воевода былъ немножко не въ своемъ умѣ; Тунгусы же въ то же время были успокоены.

Къ одному съ Тунгусами племени причисляются:

(74) Наименованіе князцовъ присвоено *старостамъ*, или избираемымъ инородцами для управленія каждымъ родомъ, или наследственно получившимъ это званіе. *Родъ, стойбище* или *улусъ* есть соединеніе нѣсколькихъ семействъ инородцевъ, не менѣ однакожъ пятнадцати (П. С. З. Р. И. № 29, 126. — Всѣ инородцы, носящіе почетныя званія между своими родовичами, какъ-то князцы, тойоны, тайши, зайсанги, шуленги и прочіе, пользуются тѣми почестями, какіе въ мѣстахъ ихъ жительства обычаи и степенные законы имъ предоставляютъ (Св. Зак. о Сост. Т. IX, ст. 1112, изд. 1842 г.)

Чанотыры, поколѣніе въ настоящее время почти неизвѣстное.

Караасы, которые съ давнихъ временъ бродятъ по лѣсамъ Нижнеудинскаго-Округа. Въ 1648 году съ нихъ уже собирався ясакъ (75). Въ настоящее время, они занимаютъ мѣста по границамъ Китайской-Имперіи, въ Нижнеудинскомъ-Округѣ Иркутской-Губерніи и еще далѣе на юго-востокъ (76).

Ламуты, бродящіе около береговъ Охотскаго-Моря, и

Юкашры, занимающіе мѣста между Яноу и Колымою, близъ Ледовитаго-Моря. Въ первый разъ они были обложены въ ясакъ въ 1639 году, казацкимъ десятникомъ Елисеємъ Бузою.

Къ неизвѣстнымъ поколѣніямъ причисляются:

Доманы, кочующіе въ сѣверной части Евсейскаго-Округа и извѣстные, кажется, только по одному наименованію.

Чукчи, въ углу Сѣверовосточной Азіи.

Манчелы, по берегамъ Оны и Чуна въ горахъ и лѣсахъ; и

Кизильцы, кочевавшіе прежде въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи, а нынѣ занимающіе мѣста въ южной части Ачинскаго-Округа, по берегамъ Чернаго и Бѣлаго Юсовъ, Печищи, Урыпа и другихъ рѣкъ, равно на берегахъ такъ-называемыхъ Божьихъ-Озеръ и въ узкихъ горныхъ долинахъ. Сами себя они называютъ *кизи*, что значитъ челоукъ. Ихъ 10 родовъ: 1) Кизиль; 2) Большаачинскій или Ачагъ; 3) Малоаачинскій или Кычагъ; 4) Игинскій или Агы; 5) Басагарскій или Тюйзе; 6) Второй Басагарскій или Буга; 7) Кашарскій или Камнеръ; 8) Малоаргунскій или Калмахъ; 9) Курчикъ или Арчинъ и 10) Шуйскій или Шустеръ. Число улусовъ 98. Кизильцы всѣ крещены; въ 1832 году ихъ считалось 2282 души мужскаго пола и 2080 душъ женскаго пола (77).

(75) Г. Лосевъ.

(76) Ж. М. Н. П. 1845 г., № 8.

(77) Тамъ же и Э. Л. Т. VII.

Уставомъ объ управленіи инородцевъ 22 іюля 1822 года сюда же причислены и такъ-называемые:

Бухтармицы (78) или *алтайскіе каменщики*. — Въ юго-восточной части Томской-Губерніи, на самой китайской границѣ, въ непреступныхъ Алтайскихъ - Горахъ, существуетъ нѣсколько русскихъ поселеній, жители которыхъ называются каменщиками, отъ слова *камень*, въ смыслѣ горы; слѣдовательно, это то же, что горы. Они хотя и Русскіе по происхожденію, языку, вѣрѣ и обычаямъ, однакожь, подобно инородцамъ, обложены ясакомъ.

Въ настоящее время, почти вся южная часть Томской-Губерніи составляетъ обширный Барнаульскій Горный-Округъ, или округъ колывановоскресенскихъ заводовъ. Прежде весь заводскій край назывался Бѣловодьемъ, что означало край вольный, обильный всѣми житейскими потребностями и удобный для поселенія. Поэтому, еще въ началѣ XVIII столѣтія, когда, кромѣ Кузнецка, не существовало тамъ ни одного города, многіе жители сѣверовосточныхъ областей Россіи, по слѣдамъ промышленниковъ, приходили туда цѣлыми обществами, одни для освобожденія себя отъ обязанностей, иногда отъ наказанія, а другіе, и болѣе всего, для житья по своей волѣ, для безошпинной мѣнновой торговли съ инородцами, и проч.

Первоначальныя поселенія были основываемы изъ боязни набѣговъ Татаръ и Калмыковъ въ непроходимыхъ дремучихъ лѣсахъ Кузнецкаго-Округа, гдѣ придерживавшіеся расколовъ строили скиты и пустыни, въ которыхъ, какъ неоднократно случалось, особенно между 1719 и 1723 г. и сожигались, обманываемые своими фанатиками-старцами. Извѣстныя пустыни у нихъ были Шадрина, Елупина, Фунтикова, Каргаполова и Запльвина, названныя по именамъ ихъ основателей, отъ которыхъ, какъ отъ учителей, про-

изошли толки Фунтиковъ, запльвинъ и другіе.

По учрежденіи по Иртышской-Линіи крѣпостей и форпостовъ отъ Омска до Усть-Каменогорской-Крѣпости, въ 1719 году, и по основаніи колывановоскресенскихъ заводовъ, начали постепенно возникать въ томъ краю русскія селенія. Особенно распространились они съ того времени, когда на основаніи Высочайше-утвержденнаго 1 мая 1761 года доклада кабинета, проведены были колыванская и кузнецкая линіи, состояція нынѣ изъ вѣсколькихъ форпостовъ и крѣпостей, обеспечивавшихъ вновь-занятый край и жителей отъ непріязненнаго нападенія. Въстѣ съ тѣмъ этотъ округъ потерялъ, въ народномъ мнѣніи, значеніе вольнаго края. Всѣ, или почти всѣ, переселившіеся туда изъ другихъ мѣстъ и извѣстные подъ именемъ *пришлыхъ*, крестьяне, разночянцы и посадскіе, — вошли въ третью народную перепись 1764 года и были приписаны къ заводамъ для исправленія работъ. Поэтому, Бѣловодьемъ стали называть пространство земель, лежащихъ за колыванскою и кузнецкою линіями къ востоку до китайскихъ предѣловъ, что продолжается и донинѣ.

Звѣроловы, приходившіе туда гораздо-ранѣе изъ далекихъ мѣстъ, первые узнали пути, ведущіе въ непроходимыя ущелья Алтайскихъ-Горъ. Проживая тамъ иногда цѣлые годы, они хорошо ознакомились съ мѣстностью края и, возвращаясь въ свои деревни, приносили вѣсти о сторонѣ, изобильной всѣмъ необходимымъ для жизни человека, и тѣмъ плѣняли людей, любившихъ жизнь, не ограниченную надзоромъ власти.

Раскольники, изъ приписныхъ крестьянъ и другихъ сословій, принадлежавшіе къ разнымъ толкамъ или сектамъ, преимущественно поморской, двоекрещенской и иконоборской, первые начали удаляться на Бѣловодье, въ Камень, по слѣдамъ промышленниковъ, иногда такихъ же раскольниковъ. За раскольниками бѣжали въ

Камень крестьяне, заводскіе мастера-вые и люди другихъ состоявій православаго исповѣданія, желавшіе избавиться отъ работъ и повинностей.

Занятія Каменьщиковъ, кромѣ звѣриной и рыбной ловли, состояли въ хлѣбопашествѣ. Изобильною добычею своихъ промысловъ они производили мѣшную торговлю съ Китайцами. За шкуры соболей, выдры, бобровъ и другихъ звѣрей получали они отъ Китайцевъ серебро въ ямбахъ (слитки этого металла самой высокой пробы вѣсомъ отъ $\frac{1}{4}$ до $4\frac{1}{2}$ русскихъ фунтовъ), шелковыя и бумажныя ткани, хлопчатую бумагу, крашеную шерсть и прочее. Такую же торговлю вели они съ Киргизъ-Кайсаками и кочевавшими у нихъ ташкентскими купцами.

Всѣ Каменьщики, которыхъ большая часть принадлежала прежде къ православному исповѣданію, собирались прежде въ воскресные дни, для общаго моленія, цѣлою деревнею въ одинъ домъ. Молитвопривошеніе продолжалось по нѣскольку часовъ, но безъ публичнаго чтенія священныхъ книгъ: всякій, знавшій молитвы, читалъ ихъ про себя. Вдали отъ церкви и священниковъ, они не совершали никакихъ религиозныхъ обрядовъ и таинствъ.

Связанные одинаковою участію, отчужденные отъ общества Каменьщики составляли какое-то братство. Они сохраняли многія хорошія качества русскаго народа: были надежными товарищами, дѣлали взаимныя пособія, особенно же помогали всѣмъ неимущимъ, снабжая ихъ припасами, сѣменами для посѣвовъ, земледѣльческими орудіями и прочимъ. Чтò касается до внутренняго управленія дѣлами общины, то Каменьщики не имѣли надъ собою никакихъ начальниковъ, не знали никакихъ опредѣленныхъ обязанностей, однакожъ находились въ нѣкоторой зависимости отъ лучшихъ людей.

При дѣлахъ важныхъ для всего общества они собирались и разсуждали; при чемъ опредѣленіе лучшихъ лю-

дей уважалось не менѣе законной власти. Въ случаѣ преступленія, сдѣланнаго кѣмъ-либо изъ Каменьщиковъ, лучше люди, по жалобѣ истца, собирались въ домъ обвиняемаго и, разобравъ дѣло, — если находили жалобу справедливою, — тутъ же назначали виноватому наказаніе, сѣкли его плетями, или били палками, смотря по важности преступленія.

Поповоду возникшихъ въ ихъ общинѣ безпокойствъ внутреннихъ, увеличенныхъ бѣдствіемъ отъ трехлѣтняго неурожая, Каменьщики оставили свои жилища, перешли за китайскую границу и просили богдохана принять ихъ въ свое подданство. Но отказъ китайскаго правительства, всегдашняго боязню преслѣдованій пограничнаго русскаго начальства, неувѣренность въ своемъ положеніи, отчужденіе отъ церкви — были причинами, что Каменьщики, въ общемъ собраніи въ 1788 году, опредѣлили отправить въ Барнауль смышленнаго челоуѣка для исходатайствованія имъ прощенія, съ тѣмъ, чтобы правительство, не выводя ихъ изъ занимаемыхъ ими мѣстъ, обложило ихъ ясакомъ. Но старики и лучше люди на этотъ разъ несогласились, и только осенью 1790 года, когда горное начальство отправило партію для разработки пріисковъ, явилось къ штейгеру Пріѣзжеву посольство съ означенною просьбою, на которую въ 1791 году послѣдовало высочайшее разрѣшеніе въ именномъ указѣ сибирскому генерал-губернатору Пилю. Въ то время Каменьщиковъ обоаго пола оказалось 273 челоуѣка, но нѣтъ сомнѣнія, что ихъ было больше. Они составляли тогда до тридцати селеній. Въ настоящее время, Каменьщики населяютъ двадцать-три деревни, расположенныя по рѣчкамъ, впадающимъ съ правой стороны въ рѣку Бухтарму, отъ которой они получили наименованіе Бухтарминцевъ, или бухтарминскихъ ясачныхъ крестьянъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ считается до 30 домовъ (79).

Они занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, разведеніемъ пчелъ и звѣринымъ промысломъ (80). Живутъ они весьма-богато и отличаются отъ другихъ Сибиряковъ особенно сановитостью пріемовъ, твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ и сознаниемъ своихъ внутреннихъ совершенствъ.

Касательно всѣхъ почти инородцевъ, о которыхъ выше упомянуто, надобно прибавить, что общій ихъ недостатокъ — во-первыхъ, безпреставное куреніе самага крѣпкаго и одуряющаго табака, въ который они иногда примѣшиваютъ кору или крошки березовыхъ вѣтвей; во-вторыхъ, пьянство въ сильной степени; гдѣ нельзя достать хлѣбнаго вина, тамъ есть кумызъ—веселящее и не надолго опьяняющее средство, приготовляемое изъ кобыльаго молока и арахі, особеннымъ способомъ изъ него же выговяемое кислое вино, которое не хуже водки туманитъ голову; и въ-третьихъ, наклонность къ шаманству, не смотря на всѣ кроткія и благодѣтельныя мѣры, которыя правительство предпринимаетъ къ искорененію этихъ двухъ послѣднихъ золъ.

Мнѣ случилось однажды видѣть этотъ родъ мистерій по поводу, о которомъ мнѣ вотъ что разказывали:

Одинъ управляющій, намывъ въ первую половину лѣта порядочное количество золота, отправилъ его въ городъ, чтобъ оттуда отвезти въ Барнауль, сплавить и получить тамъ за него деньги, которыя прежде выдавались каждому золотопромышленнику безъ исключенія при представленіи золота, добытаго въ началѣ лѣта. Въ послѣдствіи времени, обычай этотъ былъ нѣсколько измѣненъ новыми узаконеніями, основанными на строгой справедливости и болѣе-сообразными съ настоящими нуждами прискателей.

Золото, зашито, по обыкновенію, въ кожаной рукавицѣ, обязанное свер-

ху войлокомъ, было уложено въ сумы и навьючено на лошадь. Въ тайгѣ лошадь, переплывая вбродъ рѣчку Амыль, загнулась гдѣ-то ногою о подводный камень, потеряла равновѣсіе, не могла справиться съ чрезвычайно-быстрымъ теченіемъ этой рѣки, захлебнулась и пошла ко дну; въ это время веревки, которыми вьюкъ былъ къ ней привязанъ, распустились, тюкъ свалился, сума слетѣла, рукавица съ золотомъ выпала, и все пропало! Какъ быть? Хозяйское добро и казенный интересъ — бѣда! Гдѣ тутъ въ водѣ найдешь? Стали думать да гадать — и рѣшились прибѣгнуть къ помощи шамана.

Гдѣ они его сьскали — не знаю, точно такъ же, какъ не знаю, справедливъ ли и этотъ анекдотъ, который, впрочемъ, мнѣ въ то же время разказали. — Шаманъ пошаманилъ и объявилъ, что золото снесло съ того мѣста, гдѣ нырнула лошадь; его прибило, сказалъ онъ, сажень на пятьдесятъ ниже, въ томъ мѣстѣ, гдѣ у берега упала *льсина* поперекъ рѣки. Поѣхали туда; нашли опрокинутую сосну; —подъ нею въ камняхъ рѣчнаго ложа, недалеко отъ берега, дѣйствительно лежала драгоценная рукавица.

Слухъ о шаманѣ дошелъ до увѣднаго города; важный человекъ узналъ объ этомъ и, предполагая тутъ на-вѣрное стѣчку шамана съ рабочими, велѣлъ шаману явиться перелъ свои свѣтлыя очи.

— Ты шаманъ? спросилъ онъ гнѣвно знахаря.

— Шаманъ! отвѣчалъ ясачный.

— А какъ смѣешь ты шаманить?

— Изъ нужды шаманю! проговорилъ боязливо несчастный, повалившись въ ноги.

— Какая тутъ нужда?

— Пить, ѣсть надо!... помилуй!..

— Вотъ я тебя помилую, если ты сейчасъ же не отгадаешь, что я теперь думаю.

— Ты думаешь съчь меня!

— А сколько счетовъ?

— Двѣсти ровно!

(80) Записки г. Дмитренки.

— Правда! ступай... прощаю!

Свѣтлымъ очамъ шаманъ понравился, и любознательность ихъ велѣла шаману завтрашній день вечеромъ открыть всѣ обряды его таинствъ въ пустомъ сараѣ. Я былъ приглашенъ на это представленіе; дѣло было семейное; зрителей немного.

Шаманъ, въ то время, когда онъ шаманитъ, одѣвается въ особеннаго рода фракъ, сшитый изъ шкуръ разныхъ звѣрковъ—шерстью вверхъ; онъ безъ воротника, съ рукавами, съ неразрѣзаннымъ сзади клиномъ, въ родѣ полы, и съ отдѣльнымъ нагрудникомъ. Для красоты, въ разныхъ мѣстахъ выкладываютъ его узенькими полосками шерсти, какъ лентами, оторачиваютъ по краямъ прядями шелковистыхъ мягкихъ волосъ и убираютъ цѣльными шкурками бурундука и дѣтгъ, или дѣтучихъ бѣлокъ, прицѣпленныхъ къ этому костюму за хвостъ; сверхъ того, тутъ же висятъ мѣдные и серебряные кружки, бѣличьи хвосты и кисти разноцвѣтныхъ бусъ. Къ рукавамъ пришиваются перчатки на манеръ рукавицъ, тоже изъ разныхъ шкурокъ. Непремѣнная принадлежность шамана—огромный бубень, съ многочисленными громкими побрякушками и толстая деревянная колотушка, которою онъ что есть мочи колотитъ по оглушительному инструменту. Время избирается непременно къ ночи: днемъ не шаманятъ.

Въ темномъ сараѣ развели маленькій огонекъ, который свѣтилъ столько, сколько могутъ давать свѣту перегорѣлые уголья: чуть было видно кудесника. Свѣтлыя очи любили просвѣщеніе: они дали наказъ казакамъ—время-отъ-времени подкладывать дровъ по-немножку. Приступивъ къ дѣлу, шаманъ далъ намъ замѣтить, чтобъ мы сидѣли смирно, тихо, ему не мѣшали, знали бы, что теперь онъ голова, что по его зву всѣ дѣла, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ, явятся къ нему и будутъ исполнять все, что онъ имъ ни прикажетъ.

Шаманъ началъ тѣмъ, что сталъ полегонку ударять въ бубень; потомъ сталъ бить громко; сначала рѣже, потомъ чаще, постепенно прибавляя тактъ и шель crescendo, присоединяя къ рѣзкому шуму бубна дикіе звуки хрилаго своего голоса. Войдя въ пассію, шаманъ сталъ вертѣться и скакать, произнося какія-то завѣтныя слова и прибавляя къ каждому восклицанію слово «кеды», то-есть «иди». Наконецъ, онъ усилилъ голосъ до такой степени, что у всѣхъ присутствовавшихъ въ ухахъ зазвенѣло, и сталъ выхвалать и восхвалять вызываемыхъ имъ духовъ, употребляя для этого выраженія, нисколько-несоотвѣтствовавшія тому восторженному состоянію, въ которомъ шаманъ находился. Ожидаемый духъ не удостоивался какихъ-нибудь лирическихъ воззваній: шаманъ называлъ его чичканъ-мурунъ, то-есть свинымъ носомъ и киченекъ-куприюкъ—маленькимъ хвостикомъ.

Духъ долго не являлся. Навертѣвшись и наскакавшись часа полтора на одномъ мѣстѣ, шаманъ сталъ видимо слабѣть и выбиваться изъ силъ. Жиръ и потъ пробились въ изобиліи черезъ поры его тѣла и придавали лицу его, и безъ того грязному, самый неприятный видъ. Онъ, казался, задохся; пѣна била у него изо рта; лицо помертвѣло; глаза выпучились; онъ безъ чувствъ упалъ на землю, но все еще дрыгалъ ногами, хрипѣлъ и силился своею колотушкою съѣздить по торжественному бубну.

Потерявъ послѣднія силы, шаманъ нашъ умолкъ, но ненадолго. Вышелъ вдругъ изъ забвенія и совершеннаго онѣмѣнія чувствъ, онъ вскопалъ, вскрикнулъ благимъ матомъ, затрясъ бубномъ, ударяя въ него съ непостижимою быстротою и началъ задавать вопросы на какомъ-то тарабарскомъ языкѣ. Потомъ, очень-внимательно прислушиваясь къ отвѣтамъ, которые онъ самъ же говорилъ, измѣняя только голосъ, и то весьма-неискусно, онъ сталъ приглядываться къ одному углу, какъ-будто-бы въ немъ засѣлъ дѣви-

димый отвѣтчикъ, и такимъ-образомъ продолжалъ свою нейнтересную бесѣду. — Видя всѣ эти пролѣвки и замѣчая, съ какимъ стараніемъ шаманъ хотѣлъ насъ увѣрить своею мимикой и жестами, что къ нему пришли наконецъ желанные гости, и что теперь-то онъ съ ними раздѣляется, я не вытерпѣлъ — и громко разсмѣялся. Вмигъ шаманъ обернулся, подекочилъ ко мнѣ, выпучилъ глаза и указывая пальцемъ въ темный уголь сарая, трещащимъ голосомъ, почти скороговоркой сказалъ: «Букорь!... шайтанъ андѣ!.. Уччукъ па!» то-есть смотри, шайтанъ здѣсь: не пики! — Въ эту минуту вновь-положенные на огонь лучины ярко вспыхнули: это ничтожное обстоятельство и слова шамана, сквазные зловѣщимъ голосомъ и съ особеннымъ трепетомъ, заставили меня и другихъ посѣтителей противъ воли обратить взоры по направленію шаманскаго палца...

Въ это мгновеніе въ сарай, запыхавшись, вбѣжалъ торопливо казакъ и объявилъ свѣтлымъ очамъ о пріѣздѣ лица, передъ которымъ и свѣтлыя очи должны были невольно померкнуть. Всѣ присутствовавшіе вскочили съ своихъ мѣстъ и въ безпорядкѣ выбѣжали вонъ, торопясь на неожиданную встрѣчу. Дикій профессоръ магіа прекратилъ свое представленіе и куда-то исчезъ. Мнѣ тоже ничего не оставалось дѣлать, какъ убираться домой. Не дожидаясь возобновленія спектакля въ будущемъ времени, я на другой же день выѣхалъ изъ этого города.

Одолженные покореніемъ Сибири сколько случаю, столько же и удалству безвѣстнаго казацкаго атамана, память котораго потомство почтило скромною пирамидою на горѣ въ Тобольскѣ, Русскіе продолжали распространять свои предѣлы въ этой новой Америкѣ болѣе мѣрами кротости, нежели силою оружія. Подвигаясь шагъ за шагомъ далѣе и далѣе къ востоку, они знакомились съ чуждыми имъ племенами, пріучали ихъ къ себѣ и, наконецъ, подчиняли своей власти преимуще-

ственно блестящими бездѣлками. Изъ дополнительной инструкціи капитан-командору Берингу 28-го декабря 1732 года (81) видно, что «въ Сибири вновь-приходящимъ въ подданство и «прежнихъ тамошнихъ княжцовъ, когда они ясакъ въ казну платятъ, жаловали и жалуютъ малыми подарками: ми: красными сукнами, пронизками, иглами, оловцомъ и иными мелочами». — Обычай дарить при взносѣ ясака сохраняется и до-сихъ-поръ; съ 1740 года подарки эти равняются двумъ процентамъ стоимости всѣхъ собранныхъ съ инородцевъ мѣховъ (82).

Въ прежнія времена инородцы, кромѣ Киргиз-Касайковъ, дзюнгорскихъ двоedanцовъ, Чукчей, обитателей Курильскихъ и Алеутскихъ Острововъ и прибрежныхъ жителей Сѣверной-Америки, раздѣлялись на три класса, изъ которыхъ каждый имѣлъ свои подраздѣленія. Къ первому классу, къ осѣдлымъ, причислялись торговые инородцы: Бухарцы и Ташкентцы; земледѣльцы: Татары, Бухтарминцы и нѣкоторые ясачные Бійскаго и Кузнецкаго Округовъ; сверхъ того, малочисленные роды, обитающіе смѣшанно съ Русскими, и инородцы, издавна у поселянъ живущіе. Второй классъ, инородцы кочевые, подраздѣлялся на кочующихъ земледѣльцевъ и на сѣверныхъ и южныхъ скотоводцевъ и промыслениковъ. Къ третьему классу, инородцамъ бродячимъ, причислялись обдорскіе Самоѣды, инородцы туруханскіе, Карагасы, низовые, инородцы Якутской-Области, то-есть Коряки, Юкагиры, Ламуты и прочіе, инородцы охотскіе, гижигинскіе и камчатскіе. Въ настоящее время, всѣ эти инородцы раздѣляются, для большей

(81) П. С. З. Р. И. № 6291. Изъ этой инструкціи видно, что еще Петръ-Великій для куріозите посылалъ осведомиться, сходятся ли берега Азіи съ берегами Америки. — Сравни ук. 2-го января 1719 года № 3266.

(82) П. С. З. Р. И. № 19145 и 1111 ст. IX т. Свод. Зак. о Сост., изданія 1842 г.

удобности, на три разряда безъ подраздѣлений (83): *осѣдлые* инородцы суть тѣ, которые имѣютъ постоянную осѣдлость, хлѣбопашество и живутъ деревнями или въ городахъ, занимаясь торговлею и промысламъ городскихъ обывателей. *Кочевые* имѣютъ осѣдлость хотя и постоянную, но по временамъ года перемѣняемую и не живутъ деревнями. *Бродячіе*, не имѣя никакой осѣдлости, переходятъ съ одного мѣста на другое по лѣсамъ и рѣкамъ или урочищамъ, для звѣринаго или рыболовнаго промысла отдѣльными родами или семействами. Точное распределение всѣхъ инородцевъ по этимъ тремъ классамъ и подробное описание ихъ образа жизни, вѣры, обычаевъ и прочаго, недоступныя силамъ частнаго человѣка, налетомъ побывавшаго въ Сибири и лишеннаго средствъ пользоваться официальными документами, — входятъ въ кругъ занятій каждаго земскаго исправника, и нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени всѣ эти свѣдѣнія будутъ обнародованы.

Племена, обитающія по близости русскихъ населеній и золотыхъ приисковъ, годъ-отъ-году все болѣе-и-болѣе приучаются къ осѣдой жизни, хотя и въ небольшомъ количествѣ: бродячіе дѣлаются кочевыми, кочевые осѣдыми, занимаются промыслами, идутъ въ работы и надобно ожидать, что со временемъ, ознакомившись совершенно съ цивилизаціею и подчинившись ея вліянію, они всѣ сдѣлаются осѣдыми и перестанутъ быть дикарями.

Наши сибирскіе дикари сравнены въ правахъ своихъ съ русскими подданными и составляютъ сословіе, равное сословію государственныхъ крестьянъ, имѣютъ полную свободу вѣроисповѣданія, противъ воли не обращаются въ званіе осѣдлыхъ крестьянъ, навсегда освобождены отъ рекрутской повинности и управляются учрежденіями сообразными съ ихъ степны-

ми обычаями: вотъ причины, по которымъ племена эти благополучно продолжаютъ свое, хотя невѣжественное, но, по ихъ понятіямъ, блаженное существованіе до-сихъ-поръ, по-большей-части нисколько не утрачивая своей самобытности, и такъ рѣзко разнствуя своею участію отъ участі подобныхъ имъ дикарей, первобытныхъ обитателей Америки, гибшихъ тысячами подъ тяжкимъ игомъ блестящей Испаніи. Что жъ касается до того, что нѣкоторые племена вымираютъ и мало-помалу уничтожаются, то это происходитъ не отъ какихъ-нибудь притѣсненій, угнетеній или истребленій ихъ огнемъ и мечомъ, а отъ малочисленности, разсѣянности, смѣшенія съ другими племенами, перехода къ осѣдой жизни: они не столько вымираютъ, сколько перерождаются, русѣютъ, чему преимущественно способствуетъ распространеніе между ними христіанства.

Общее просвѣщеніе всѣхъ инородцевъ свѣтомъ вѣры началось въ Сибири со временъ царя Федора Алексѣевича, въ 1680 году (84). Петръ-Великій, избравъ на архіерейскую кафедру въ Сибири схимонаха Θεолора, три раза во время своего царствованія давалъ ему подробныя на этотъ предметъ наставленія (85). Указаніямъ великаго государя свято слѣдовали и слѣдуютъ его преемники до сего дня. Избранные ими просвѣтители съ христіанскимъ смиреніемъ и евангельскою кротостію присоединяютъ разбредшіяся племена къ единому стаду Христову. Въ одномъ 1843 г. приведено въ вѣдра церкви Христовой 1132 человѣка изъ язычниковъ; число обращенныхъ въ епархіи томской и енисейской было 857 человѣкъ, въ иркутской 241 человѣкъ. Проповѣдь евангельская неутомимо продолжается; христіанство распространяется болѣе и болѣе.

(84) П. С. З. Р. И. № 1117.

(83) П. С. З. Р. И. № 29126 и 1099 ст. IX Свод. Зак. о Сост., изд. 1842 г.

(85) Тамъ же №№ 1800, 2863, 4556 и 4860.

Но каковы эти христіане?.. Пусть этотъ вопросъ разрѣшитъ тотъ, кто можетъ, положи руку на сердце и спрося своей совѣсти, отвѣчать съ полнымъ убѣжденіемъ: «я истинный христіанинъ!» Пусть онъ же разрѣшитъ—кто ближе къ благодати: грубый ли, невѣжественный дикарь, который отъ чистаго сердца слѣпо вѣруетъ, или человѣкъ утонченнаго образованія, знакомый со всѣми возможными знаніями, но волнуемый сомнѣніями?

Независимо отъ инородцевъ, въ Сибири нынѣ много иностранцевъ. Золотые промыслы и другія обстоятельства привели туда много Нѣмцевъ, Англичанъ, Французовъ, Поляковъ, нѣскольکو Шведовъ, Финляндцевъ, Черкесовъ, обитателей Америки, гражданъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ и подданныхъ Бolivійской-Республики.

Кромѣ множества своихъ разноплеменныхъ обитателей, которымъ Сибирь обязана эпитетомъ *Нѣмцовой*, край этотъ богатъ многими памятниками такъ - называемыхъ чудскихъ народовъ.

Сюда относятся развалины городовъ и крѣпостей, надписи, копи и курганы.

Первыя свѣдѣнія объ этихъ городахъ сохранились въ описаніи путешествія въ Китай атамановъ и казаковъ Ивана Петрова да Буриаша Ялычева съ товарищами въ 1567 году. Тамъ, между прочимъ, сказано: «А мунгальская земля велика, долга и широка, а города въ мунгальской земли дѣлавы на четыре углы, а по угламъ башни, тако же, что у русскихъ городовъ; а на воротахъ городовыхъ на башнѣ, виситъ колоколь мѣдный, пудовъ въ двадцать; а въ городѣ дворы и палаты кирпичныя на четыре угла, а палаты не высоки, а подволоки у палатъ писаны красками разными» (86).

Въ бассейнѣ рѣкъ Иртыша и Оби найдены Ермакомъ слѣдующіе города: Сибирь или Искеръ, столица хана Кучума.

Чингій, Чингида или Чингидинъ, стоявшій, какъ полагаютъ, на мѣстѣ нынѣшняго Тюменя, и получившій имя будто-бы отъ самого Чингиса.

Епанчинъ, изъ котораго произошелъ нынѣшній Туринскъ.

Карачинъ, въ окрестностяхъ Тобольска.

Бидиктуръ, насупротивъ нынѣшняго Тобольска.

За Иртышемъ и Обью, еще до Ермака, извѣстны были Русскимъ города:

Грустина и Серпоновъ, жители которыхъ, по стариннымъ извѣстіямъ, получали жемчугъ и дорогіе камни отъ черныхъ людей отъ озера Китая (87).

На устьѣ Ишима стоялъ городъ Кизельтура, сохранившійся въ преданіяхъ Якутовъ (88).

На рѣчкѣ Бескѣ, впадающей въ Верхній-Иртышъ, выстроены были Аблайкитъ. Городъ этотъ или монастырь, основаніе котораго приписывается калмыцкому князю Аблаю въ половинѣ XVI столѣтія, заключалъ въ себѣ богатую монголо-тибетскую библіотеку и ксилографическую типографію. Нѣкоторые буддійскіе манускрипты Петръ-Великій досталъ изъ этой библіотеки и отправилъ въ Парижскую Академію Наукъ; но большая часть ихъ погибла вмѣстѣ съ монастыремъ. Въ наше время, Гумбольдтъ нашелъ въ травѣ, кругомъ развалинъ Аблайкита, оторванные листы тибетскихъ книгъ (89).

На мѣстѣ нынѣшняго Семипалатинска стоялъ также древній городъ, развалины котораго сохранились до нашихъ временъ, и по семи уцѣлѣвшимъ палатамъ дали этому мѣсту нынѣшнее его прозваніе.

(86) Исторія Гос. Рос. Т. IX, примѣч. 648 и Ж. М. В. Д. 1845 г. № 4.

(87) Ж. М. В. Д. 1844 г. № 4.

(88) Г. Лосевъ.

(89) Ж. М. Н. П. 1844 г. № 5.

Калхасскому племени, бывшему еще въ VII вѣкѣ въ сношеніи съ Китаемъ и занимавшему все пространство между верховьями рѣкъ Оби и Енисея, приписываютъ основаніе двухъ городовъ, извѣстныхъ еще въ концѣ XIII столѣтія; города эти назывались: Иланъ-Чеу, то-есть, Зѣиный-Городъ, можетъ-быть, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Зѣиновгородская-Крѣпость, и Кіанъ-Чеу, то-есть, городъ на Енисеѣ (90). — Въ XVI столѣтіи Русскіе овладѣли Качинскимъ или Каштарскимъ Городомъ-на-Енисеѣ-подъ-Зѣиною-Горою (91).

Обширному и могущественному племени Уйгуровъ приписываютъ построеніе города Горина. Горинъ или Голинъ, Каракорумъ Европейцевъ, стоялъ на берегу Оргона, одного изъ притоковъ рѣки Селенги, гдѣ наслѣдники Чингисхана, до переселенія въ Китай (1260 г.) и по изгнаніи оттуда (1371 г.), предпочтительно держали свои становища, гдѣ также имѣли пребываніе и монгольскіе кутухты. Городъ этотъ, разрушенный уже въ XIV столѣтіи Калмыками или Монголами-Элютами, былъ основанъ еще въ началѣ VIII вѣка (92).

Въ Верхнеудинскомъ-Округѣ, на степи, въ двадцати-пяти верстахъ отъ деревни Тамирской, есть развалины двухъ чудскихъ крѣпостей. Крѣпости эти, одна отъ другой на разстояніи 200 сажень квадратныхъ, сажень въ 30 длины и ширины, съ круглыми по угламъ башнями. Между этими крѣпостями, обращенными одна къ другой главными воротами, замѣтенъ цѣлый рядъ такихъ же башенъ.

При рѣчкѣ Маломъ-Кундуѣ есть развалины огромнаго зданія, простирающагося отъ сѣвера на югъ на $47\frac{1}{2}$, а отъ востока на западъ на $22\frac{1}{2}$ сажени. Гранитные камни и кирпичи давно уже вынуты и употреблены на пер-

ковное строеніе въ селеніи Кундуйскомъ, въ Перчивскомъ-Округѣ; впрочемъ, гранитный фундаментъ былъ цѣлъ въ 1819 году.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ села Кундуйскаго въ то же время видна была плита около двухъ аршинъ вышины съ китайско-монгольской надписью.

Тутъ же на пьедесталахъ стояли два сфинкса или дракона, изсѣченные изъ гранита.

Подобные же гранитные сфинксы, обдѣланные явно для украшенія какаго-нибудь зданія, пошли въ дѣло при сооруженіи церкви въ селѣ Кундуйскомъ (93).

На рѣкѣ Ононѣ, знаменитомъ мѣстѣ рожденія Чингисхана, сохранился донынѣ нѣсколько покачнувшійся въ сторону гранитный столбъ въ одну сажень вышины. На столбѣ этомъ, по рассказамъ очевидцевъ, видны еще какія-то письма.

Кромѣ кундуйской плиты и ононскаго столба, непрочтенныя до-сихъ-поръ надписи находятся:

По рѣчкѣ *Пыимъ*, текущей въ Туру, впадающую въ Обь (94).

На рѣчкѣ *Бухтармъ*, впадающей въ Иртышъ; онѣ находится въ пещерахъ и врѣзаны въ вертикальномъ направленіи; время-отъ-времени онѣ становятся болѣе-и-болѣе неясными (95).

По рѣчкѣ *Чуль*, отъ прилегающей къ ней небольшой степи до самаго владенія Чуи въ Катуй, въ узкихъ мѣстахъ между утесовъ стоитъ иѣчто въ родѣ укрѣпленій, выкладенныхъ изъ камня, а на утесѣ, близъ устья Чуи, есть надпись, сдѣланная будто-бы Китаицами послучаю истребленія Калмыками разными случаями до сорока тысячъ китайскаго войска (96).

На рѣчкѣ *Катуи*, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она, обойдя большой кряжъ горъ,

(90) Ж. М. В. Д. 1844 г., № 4.

(91) Видно изъ дѣла Иркутскаго Архива подл. № 1899. Прим. г. Лосева.

(92) Ж. М. В. Д. 1844 г., № 4.

(93) Г. Лосевъ.

(94) Ж. М. Н. П. 1845 г., № 8.

(95) Э. Л. Т. VII.

(96) Г. Дмитренко.

проходить съ шумомъ между раздавшихся горъ, какъ-бы въ прорывѣ, — наверху плоскости горъ, по обѣимъ сторонамъ, натаскано и нагромождено множество разной величины камней; стѣны въ прорывѣ по обѣимъ сторонамъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ довольно-высоко, имѣютъ явственные надписи черной и красной краской, какъ Двояданцы и Калмыки говорятъ, по-тибетски. Здѣсь, при разореніи Зюнгорскаго Царства, стояли со стороны Монголовъ пикеты и караульные. Какое средство употребляли они, при сильной быстротѣ рѣки, чтобъ подмоститься и сдѣлать надписи — остается тайной (97).

Подобныя же надписи начертаны на отвѣсныхъ берегахъ *Енисея*, по *Абакану* и по рѣчкѣ *Мангуту*, впадающей въ рѣку Ононь, на стѣнахъ такъ-называемой мангутской пещеры.

Слѣды горнаго производства древнихъ обитателей Сибири сохранились въ такъ-называемыхъ *чудскихъ копяхъ*, находящихся по рѣкѣ Шульбѣ, впадающей въ Иртышъ, въ горныхъ округахъ Колывановоскресенскомъ и Нерчинскомъ и въ Минусинскомъ-Округѣ, близъ стариннаго желѣзнаго завода, находящагося нынѣ во владѣніи господъ барона Корфа и Безкоровайнаго. Копи эти замѣчательны тѣмъ, что всѣ орудія для горнаго производства, въ нихъ найденныя, преимущественно были сдѣланы изъ мѣди или изъ особенной композиціи въ родѣ бронзы, въ которой главную роль играетъ мѣдь. Изъ этихъ копей, въ древнія, неизвѣстные намъ времена, добывалось, вѣроятно, и разсыпное золото, какъ это можно заключить изъ словъ бывшаго въ 1756 году главнымъ судьей монетной канцеляріи Шлаттера: «о которыхъ чудскихъ кояхъ извѣстно, что прежніе народы оныя копи производили болѣе для съисканія и добыванія самороднаго металла, состоящаго въ мель-

чайшихъ частицахъ между мягкой землей и вохры» (98).

Чудскіе *курганы* находятся въ Сибири во множествѣ; ими усѣяны берега Бухтармы, Абакана, Енисея, Онона, Джиды, озера Болжина и другія мѣста. Воображеніе восточныхъ народовъ даетъ этимъ простымъ могиламъ особенный смыслъ и окружаетъ ихъ какою-то таинственностью.

Якутскіе казаки, въ бытность свою при воеводахъ Андреѣ Бурнашевѣ и Ѳомѣ Выбиковѣ, въ 1678 году, около Байкальскаго-Озера, слышали отъ тамошнихъ Бурятъ преданіе, что Чудь, избѣгая преслѣдованій страшныхъ враговъ своихъ, Монголовъ и Бурятъ, построила себѣ могилы изъ большихъ каменныхъ плитъ въ видѣ хижинокъ о четырехъ подставахъ. Каждое семейство заняло свою хижину и добровольно погребло себя подъ развалинами съ намѣреніемъ обрушеннаго зданія (99). Преданіе это сохраняется между инородцами до сего времени, нѣсколько переиначенное тѣмъ, что у Чуди было повѣрье, или старинное пророчество: когда въ ихъ лѣсахъ появится *бѣлое дерево* — *бѣлый царь* покоритъ ихъ. Бѣлое дерево, береза, въ XVI-мъ столѣтіи начала неожиданно появляться между хвойными лѣсами, и Русскіе, подданные бѣлаго царя, стали всѣхъ покорять своей власти. Тогда-то эти народы и рѣшились прекратить свое существованіе. Чтò за народъ *Чудь*, имя котораго встрѣчается въ памятникахъ его по всему протяженію Сибири, начиная съ Пермской-Губерніи — доселѣ неизвѣстно. Пные считаютъ его за Бярміюповъ, коренныхъ обитателей нынѣшней Пермской-Губерніи, пные полагаютъ, что это были Уйгуры.

Курганы эти разрываются съ давнихъ временъ, но не для ученыхъ цѣлей, а въ надеждѣ отыскать клады и выкопать древнія подѣлки изъ сереб-

(98) П. С. З. Р. И. № 10534 и Э. Л. Т. XVI.

(99) Г. Лосевъ.

(97) П. Гороховъ.

ра и золота. Во времена Петра-Великаго, было повелѣно: золото изъ могилъ, которое гонится въ передѣль, покупать настоящею цѣною безъ передачи, а курьѣзныя вещи, находимыя въ Сибири, покупать тоже настоящею цѣною, но не переплавливая присылать въ Берг-Коллегію и доносить государю (100).

Въ послѣднее время курганы были разрываемы по распоряженію мѣстнаго начальства. Въ курганахъ змѣногорскаго края, въ Томской-Губерніи, по рѣкѣ Бухтармѣ, въ 1845 году были найдены кости людей и лошадей, клинки оружія, острія копій, удила, желѣзные стремена, разная желѣзная мелочь и костяныя оправы сѣдла и плети (101). — Абаканскіе курганы, по изсѣченнымъ на окружающихъ ихъ или сосѣднихъ съ ними камняхъ изображеніямъ, имѣютъ собственныя имъ присвоенныя названія, напримѣръ: *Диска*, *Айна* (чортъ), *Старуха*, *Баба*. Въ 1846 году, въ нихъ найдены кости человѣческія, мѣдныя острія стрѣлъ, глиняные горшки, наполненные глиною же краснаго цвѣта; могилы изъ плетъ и древніе серебряныя кувшинчики, всего двадцать-два; вѣсу въ нихъ во всѣхъ 6½ фунтовъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ (102). Многія рѣдкости, вырытыя на лѣвомъ берегу рѣки Аргуни, доставлены господиномъ военнымъ министромъ въ Императорскую Академію Наукъ въ 1845 году (103). Многія интересныя подробности о сибирскихъ древностяхъ собраны, въ 1844 году, находившимся въ числѣ чиновниковъ при ревизовавшемъ Восточную Сибирь сенаторѣ графѣ Толстомъ, титулярнымъ совѣтникомъ Варрандомъ (104); древности

Пермской-Губерніи описаны г. Мельниковымъ на страницахъ этого журнала (105), но полное изслѣдованіе и снятіе рисунковъ со всѣхъ достопримѣчательностей возложено Академіею Наукъ, въ числѣ прочихъ обширныхъ занятій, на доктора Александровскаго Университета, г. Кастрена (106).

Пещеръ въ Сибири весьма-много; замѣчательнѣйшія изъ нихъ:

На рѣкѣ Бухтармѣ;

Въ горахъ Бійскаго-Округа;

На Оби;

При устьѣ рѣки Шоры, впадающей въ Томь — сталактитовая (107);

Лургиканская пещера съ тремя отдѣльными покоями въ Нерчинскомъ-Округѣ;

Удинская — въ Верхнеудинскомъ-Округѣ;

Ледяная — на Левѣ съ двумя ледяными статуями во внутреннемъ отдѣленіи;

Поздраватая — тамъ же; она изъ известковаго камня (108);

и Мангутская — при рѣкѣ Мангуту, впадающей въ Ононъ.

Минеральныя воды въ Сибири извѣстны слѣдующія:

Теплыя: Джусалинскія, въ киргизкайсацкой средней ордѣ, близь горы Джусалы, верстахъ въ 80 ти отъ Карналинскаго Ваѣшняго Окружнаго Приказа. Правительство узнало объ нихъ въ первый разъ въ 1827 году; но мѣстнымъ жителямъ они были издавна извѣстны (109).

Туркинскія, въ 400 верстахъ отъ Иркутска, въ Верхнеудинскомъ-Округѣ, на горѣ у озера Байкала. Они были извѣстны еще до занятія этихъ мѣстъ Русскими, но правительство получило о нихъ первое извѣстіе въ 1753 году. Особый врачъ опредѣленъ къ этимъ водамъ въ 1823 году (110).

(100) Указы 1 сентября 1720 и 16 февраля 1721 (И. С. З. Р. И. № 3738).

(101) Ж. М. В. Д. 1843, № 12.

(102) Ж. М. В. Д. 1847, № 2.

(103) Ж. М. Н. П. 1845, № 6.

(104) Тамъ же, № 5.

(105) Отечественныя Записки за 1841 г.

(106) Ж. М. Н. П. 1845 г., № 8.

(107) Г. Дмитриенко.

(108) Г. Лосевъ.

(109) Э. Л. Т. XVI.

(110) Г. Лосевъ и И. С. З. Р. И. № 29370.

При рѣчкѣ Каргакатаѣ, въ 150 верстахъ отъ Баргузинска.

При рѣчкѣ Уро, въ 200 верстахъ отъ Баргузинска.

При рѣчкѣ Корѣ, въ 300 верстахъ отъ Баргузинска.

По правую сторону рѣчки Цакира, отъ устья Дабанта въ двухъ верстахъ.

По рѣчкѣ Халанусѣ, впадающей въ Бириюлю, текущую въ Киру, впадающую въ Ононъ съ лѣвой стороны.

При рѣчкѣ Озерной, текущей изъ Курильскаго-Озера.

При рѣчкѣ Паулжѣ; здѣсь теплые ключи бьютъ фонтанами.

При рѣчкѣ Баанѣ, принимаемой за прѣтокъ рѣки Большой; здѣсь онѣ бьютъ тоже фонтанами.

Близъ Начикина-Острога.

Около Шемягинскаго-Устья.

При вершинѣ рѣки Шемяги. — Последнiе шесть ключей находятся въ Камчаткѣ.

Кислые ключи въ Нерчинскомъ-Округѣ:

Дарасунскіе въ 560 верстахъ отъ Верхнеудинска.

Въ дачахъ Тунгусовъ рода князя Гантимура.

Въ шести верстахъ отъ кутомарскаго серебрянаго завода.

По теченію рѣки Иягоды на правой сторонѣ, отъ заштатнаго города Доронинска (111), въ 40 верстахъ при рѣчкѣ Жульчѣ, впадающей въ рѣчку Урюлюнгуѣ съ лѣвой стороны.

Въ 20 верстахъ отъ Харамангутской-Деревни.

Близъ рѣчки Конды, недалеко отъ вершинъ Уды.

Погромнскіе, по рѣчкѣ Погромкѣ, совершенно подобныи зельтерской водѣ.

Кромѣ того, четырнадцать *спрнхъ* ключей бьютъ изъ лѣваго берега рѣки Лены въ 262 верстахъ отъ города Киренска; по своему цвѣту они называются молочными водами; запахъ отъ

нихъ, весьма-схожій съ запахомъ тухлыхъ яицъ — слышенъ за двѣ версты.

Зобные ключи по Нижней-Тунгускѣ близъ селеній около Туруханска причиняютъ зобы тѣмъ, кто пьетъ изъ нихъ.

Поташныя воды въ Бѣломъ-Озерѣ въ 12 верстахъ отъ Доронинска (112).

Гиджиристое-Озеро по дорогѣ отъ Нерчинска въ Доронинскъ около деревни Балзоя; оно въ 1½ версты въ окружности и даетъ въ небольшомъ количествѣ гиджиръ, особенную щелочную соль.

Селитренное-Озеро въ 414 верстахъ отъ Нерчинска, недалеко отъ Доронинска. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ изъ него, прорубая ледъ, достаютъ селитру кусками отъ 1500 до 2000 пудъ, привозятъ на шилкинскій заводъ и употребляютъ тамъ для плавки стекла (113).

При устьѣ Урсула въ рѣку Катунь, собирается между камней селитра, изъ которой Калмыки сами дѣлаютъ поро (114).

Изъ соляныхъ озеръ замѣчательны Борзинское въ Нерчинскомъ-Округѣ, въ 30 верстахъ отъ китайской границы, Бурлинское въ Барабинской-Степи, Коряковское и Ямышевское въ верховьяхъ Иртыша: послѣднее важно для насъ, какъ памятникъ экспедиціи капитана гвардіи Ивана Бухгольца, посланнаго Петромъ-Великимъ еще въ 1714 году для развѣдыванія о золотыхъ россыпяхъ по Аму-Дерѣ (115).

Къ богатствамъ Сибири причислимъ наконецъ знаменитую шерловую гору Адун-Челонъ или Одон-Чалонъ, находящуюся въ Нерчинскомъ-Округѣ, богатую копиями берилловъ и тяжеловѣсовъ; и Урульгинскія-Горы, которыхъ весь краѣзъ изобилуетъ сокровищами, драгоценными металлами и камнями (116).

(112) Г. Лосевъ.

(113) Очеркъ Заяблонья г. Мордвинова.

(114) Г. Дмитренко.

(115) Э. Л. Т. VII.

(116) Ж: М. В. Д. 1843 г. № 7 и Ж. М. Н. П. 1848 г. № 3.

(111) Города Доронинскъ и Срегенскъ уничтожены по малому числу жителей въ 1798 году (П. С. З. Р. И. № 18586).

Заключимъ нынѣшнюю статью нашу тѣмъ, что подробное статистическое описаніе Сибири съ давнихъ временъ составляло одинъ изъ главныхъ предметовъ заботливости нашего правительства. Первоначально повелѣніе объ этомъ дано было мѣстнымъ властямъ вскорѣ по покоренію Сибири. Потомъ это строго подтверждено было въ 1696 и въ 1728 годахъ (117). Изъ дополнительной инструкціи Берингу видно, что въ 1732 году правительство имѣло уже въ рукахъ своихъ подробное описаніе рѣкъ Селенги и Ангары (118); о точномъ описаніи всѣхъ рѣчекъ во всей Сибири и о составленіи гидрографической карты этого края указъ былъ данъ еще въ 1736 году (119). — Сколько извѣстно, указы эти были въ точности исполнены: составлены подробныя описанія, которыя время-отъ-времени дополнялись вновь - полученными свѣдѣніями. Въ настоящее время, горныя начальства нерчинское, колывано - воскресенское и уральское обладаютъ драгоценными картами своихъ горныхъ округовъ; статистическія же свѣдѣнія хранятся въ канцеляріяхъ господъ сибирскихъ генералъ - губернаторовъ, при дѣлахъ бывшаго Сибирскаго Комитета, и въ Статистическомъ Отдѣленіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

П. Н. (*).

(117) П. С. З. Р. И. №№ 1832 и 5320.

(118) Тамъ же № 6291.

(119) Тамъ же № 7086.

(*) Не исчисляя всѣхъ опечатокъ, вкрашихся въ четыре статьи «Разказовъ о Сибирскихъ Золотыхъ Приискахъ», покорнѣйше просимъ исправить слѣдующія главныя ошибки:

Въ первой статьѣ на страницѣ 158, вмѣсто рѣки Верхняя-Подголетная — должно быть: Верхняя Подголетная.

Во второй статьѣ на страницѣ 23, вмѣ-

ЗАЩИТНИКАМЪ ТМУТОРОКАНСКАГО КАМНЯ.

Безъ сомнѣнія, не мало надобно имѣть отваги, чтобъ писать противъ господствующаго или уже укоренившагося мнѣнія, какъ бы оно ни было шатко и ненадежно. Помѣстивъ въ 10-й книж. «Отечественныхъ Записокъ» на 1844 годъ статью о тмутороканскомъ камнѣ, я ожидалъ съ одной стороны сильныхъ на нее возраженій, съ другой болѣе сильныхъ убѣжденій въ моемъ сомнѣніи о древности извѣченной на этомъ камнѣ русской надписи; но ожиданіе мое не оправдалось въ полной мѣрѣ — отъ-того ли, что изслѣдуемый мною предметъ самъ-по-себѣ мало важенъ, или изложеніе его слабо, либо, наконецъ, то и другое причиною столь малаго къ нему сочувствія...

Правда, нельзя же сказать и того, чтобъ эта статья вовсе не была ничѣмъ замѣчена и не произвела никакого отголоска. По-крайней-мѣрѣ, она обратила на себя нѣкоторое вниманіе извѣстныхъ знатоковъ русской исторіи — П. Г. Буткова и М. П. Погодина, встрѣтивъ отъ перваго изъ нихъ краткій отзывъ въ «Объясненіи русскихъ старинныхъ мѣръ линейной и путевой» въ 11 кн. «Журнала Мин. Внутр. Дѣлъ» 1844 года, а отъ втораго цѣлую статью,

сто шартамскій кермакъ — должно быть: шарташскій кержакъ.

На страницѣ 24, вмѣсто Шартамскій-Монастырь — должно быть: Шарташскій-Монастырь.

На страницѣ 31, вмѣсто Гунду-Кумъ — должно быть: Гунду-Кушъ.

На страницѣ 32, вмѣсто (44) П. С. З. Р. И. — должно быть: П. С. З. Р. И., № 6571.

Въ третьей статьѣ на страницѣ 136, вмѣсто словъ: подъ этимъ блестящимъ именемъ — должно быть: подъ эгидой блестящихъ именъ.

Въ четвертой статьѣ на страницѣ 31, вмѣсто Еутминыцы — должно быть: Еуштинцы.